

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА

М. Р. Левин^{1, 2, 3}

Трансцендентальная философия не была рождена как Афина из головы Зевса – сразу зрелой и полностью вооруженной. Именно поэтому в обоих предисловиях к «Критике чистого разума» (1781 и 1787 гг.) Кант вводит понятие трансцендентальной философии как «идеи». Идея в ее архитектурном понимании развивается длительно и только постепенно принимает определенную форму. Как показывают работы самого Канта, а также его предшественников и последователей, идея трансцендентальной философии претерпела ряд изменений и корректировок по сравнению с изначальным планом. В этом контексте моя цель – не просто экзегетика и историческое исследование трансцендентальной философии, а взгляд на нее в систематической методологической перспективе. Я рассматриваю концепт трансцендентальной философии с точки зрения программатической метафилософии. В первой части представлена программатика как определенный подраздел метафилософии. Показано, что архитектурная методология Канта и методология Лакатоса могут быть использованы для понимания возникновения, развития и распада философских систем. Во второй части проект трансцендентальной философии и его поэтапное развитие рассмотрены с точки зрения архитектуроники. В третьей части продемонстрировано, что методология Лакатоса может обеспечить детальное понимание элементов программы трансцендентальной философии, дать возможность четко разобраться в ее логике и выявить ее составные части, которые могут быть улучшены и развиты. Несмотря на разный уровень детальности и эпистемологических предпосылок, методологии Канта и

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 2236016, Калининград, ул. А. Невского, д. 14.

² Горный университет Вупперталя. 42119, Германия, Вупперталь, Гауссштрассе, д. 20.

³ Университет Кобленца-Ландау. 55118, Германия, Майнц, Рабанусштрассе, д. 3.

Поступила в редакцию: 14.02.2021 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-4

TRANSCENDENTAL PHILOSOPHY AS A SCIENTIFIC RESEARCH PROGRAMME

M. Lewin^{1, 2, 3}

Transcendental philosophy was not born like Athena out of Zeus's head, mature and in full armour from the very beginning. That is why in both prefaces to the Critique of Pure Reason (1781 and 1787) Kant introduces the concept of transcendental philosophy as an "idea." The idea understood architectonically develops slowly and only gradually acquires a definite form. As witnessed by the works of Kant himself and of his predecessors and followers, the idea of transcendental philosophy has undergone a series of changes and adjustments compared to the initial plan. In this context, my goal is not simply exegesis and historical investigation of transcendental philosophy, but also to look at it from a systematic and methodological perspective. I examine the concept of transcendental philosophy from the viewpoint of programmatic metaphilosophy. The first part discusses programmatic metaphilosophy as a distinct subsection of metaphilosophy. I argue that Kant's architectonic methodology and the methodology of Lakatos can be used to understand the inception, development and degradation of philosophical systems. In the second part I look at the project of transcendental philosophy and the stages of its development from the standpoint of architectonics. The third part shows that Lakatos's methodology can provide a detailed insight into the elements of transcendental philosophy, a clear idea of its logic and identify the component parts that can be improved and developed. In spite of the different levels of detailing and epistemological prerequisites, the methodologies of Kant

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia.

² University of Wuppertal.

20 Gaußstraße, Wuppertal, 42119, Germany.

³ University of Koblenz and Landau.

3 Rhabanusstraße, Mainz, 55118, Germany.

Received: 14.02.2021.

doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-4

Лакатоса могут быть совмещены в целях метафилософски информированного и прогрессивного понимания философских проектов.

Ключевые слова: трансцендентальная философия, Кант, программатика, архитектоника, метафилософия, идеи разума, Лакатос, научно-исследовательские программы, научная теория

Введение

Цель моего исследования — рассмотреть концепт трансцендентальной философии с двух разных позиций: во внутренней перспективе, со стороны самой трансцендентальной философии — вернее, ее определенной версии, а именно версии Канта, которая дает идею и определение того, что она сама собой представляет, и во внешней перспективе, то есть с точки зрения философа, который не является представителем этого философского направления, — И. Лакатоса и его теории научно-исследовательских программ. Как мы увидим, Кант развивает определенную методологию, в которой он описывает, как создаются и организуются науки и научные проекты, включая его собственный. То есть из самой трансцендентальной философии следует методология, определяющая ее форму. Трансцендентальная философия, таким образом, через свою методологию понимает себя саму и по аналогии переносит это понимание, эти знания, относящиеся к ее методологии, на другие системы и науки. Отталкиваясь из этих размышлений, можно прийти к мысли о некоторой ограниченности методологии Канта. Она является продуктом философской системы, которая относится к специфическому стилю философствования, историческому времени, этапу развития философии и т.д. Короче говоря, методология Канта «относительна», то есть она не может претендовать на то, чтобы масштабно и объективно — не принимая чью-либо сторону — описывать, как образуются различные философские системы и научные проекты. Но то же самое можно сказать и о любой другой методологии, которая, прячась за маской позити-

and Lakatos can be combined to achieve a metaphilosophically informed and progressive understanding of philosophical projects.

Keywords: transcendental philosophy, Kant, programmatic, architectonics, metaphilosophy, ideas of reason, Lakatos, research programmes, scientific theory

Introduction

The aim of my research is to examine the concept of transcendental philosophy from two different angles: from the internal perspective, i.e. from the side of transcendental philosophy or, rather, one of its versions, namely Kant's, which gives an idea and definition of what it is; and from the external perspective, i.e. from the point of view of a philosopher who does not belong to this philosophical direction, namely, Imre Lakatos and his theory of scientific research programmes. As we shall see, Kant has a certain methodology for describing how science and scientific projects, including his own, are created and organised. This methodology emerges from transcendental philosophy itself to determine its form. Transcendental philosophy thus understands itself through its methodology and, by analogy, transfers this understanding, this knowledge pertaining to its methodology, to other systems and sciences. These reflections may suggest that Kant's methodology has certain limitations. It is a product of the philosophical system that belongs to a certain style of philosophising, a certain historical period, a stage in the development of philosophy etc. In short, Kant's methodology is "relative", i.e. it cannot claim to be able to describe broadly and objectively — without taking sides — how various philosophical systems and scientific projects arise. But the same can be said about any other methodology which, hiding behind

визма или реализма, или даже абсолютного идеализма, может показаться решением проблемы отсутствия независимости в исследовании методов и их использования. Так же как научная философия и методология Канта, проекты представителей философии науки — Флека, Маха, Поппера, Куна, Лакатоса, Лаудана и др.— строятся на определенных предпосылках, на более или менее скрытых или открытых факторах, которые делают эти проекты относительными. Современная философия науки, казалось бы, не основывается на каких-либо фундаментальных философских системах, а занимается непосредственно научными теориями, их происхождением, развитием и опровержением. Но сам факт, что она, во-первых, отличается от прежних размышлений о науке, во-вторых, состоит из конкурирующих методологических концепций, которые, в-третьих, описывают сами себя в рамках этих же концепций, говорит о разных, не редуцируемых друг к другу факторах. Можно сказать, что каждая методология (например, Декарта, Канта, Гегеля, Поппера или Куна) находится в некоем замкнутом круге, в котором предпосылки определяют методологию, а методология — предпосылки.

Как можно выйти из этого круга, не теряя своей собственной позиции? Я думаю, что это возможно в форме диалога и кооперации между позициями, то есть путем взаимодополнения двух разных, пусть даже на первый взгляд несовместимых, методологий. Я хочу показать это на примере методологий Канта и Лакатоса применительно к концепту трансцендентальной философии. Почему я рассматриваю именно этих двух авторов? Обращение к Канту обусловлено тем, что его архитектурная методология может быть рассмотрена в качестве совершенно нового концептуального подхода к пониманию построения систем знания исходя из точно спроектированных идей. Архитектонические идеи — это точки концентрации знания, которое еще предстоит развернуть. Лакатос в рамках данного исследования представляет интерес потому, что его методология научно-исследовательских программ яв-

the mask of positivism or realism, or even absolute idealism, may appear to offer a solution to the problem of absence of independence in the study of methods and their use. Just like Kant's scientific philosophy and methodology, the projects of philosophers of science — Fleck, Mach, Popper, Kuhn, Lakatos, Laudan and others — are built on certain prerequisites, more or less covert or overt factors that make these projects relative. Modern philosophy of science seemingly is not based on any fundamental philosophical systems, but deals with immediate scientific theories, their origin, development and refutation. But the very fact that it, first, differs from former reflections on science, second, consists of competing methodological concepts which, third, describe themselves in the framework of these same concepts, points to different factors that cannot be reduced to one another. It can be said that every methodology, be it that of Descartes, Kant, Hegel, Popper or Kuhn, is in a kind of a closed circle in which prerequisites determine the methodology and vice versa.

How can one break out of this circle without abandoning one's own position? I think it is possible in the form of dialogue and cooperation between positions, i.e. mutual complementation of two different, even at first sight incompatible, methodologies. I propose to demonstrate this using the example of Kant and Lakatos. Why have I chosen these two authors? I have chosen Kant because his architectonic methodology can be seen as a ground-breaking conceptual approach to the building of knowledge system proceeding from precisely designed ideas. Architectonic ideas are points of concentration of knowledge which has yet to be unfolded. Lakatos, in terms of this study, is interesting because his methodology of research programmes is one of the latest science philosophy models which,

ляет собой одну из последних научно-философских моделей, с одной стороны, более гибкую по сравнению с моделями его предшественников, с другой — более систематичную по сравнению с теориями его критиков или последователей. Наконец, обе методологии — и Канта, и Лакатоса — основываются на представлении о том, что в знаниях и рядах теорий есть определенный *гравитационный центр*, который имеет настолько большую силу, что теории и знания концентрируются, вращаются и развиваются вокруг него, как планеты и другие астрономические объекты вокруг Солнца в планетарных системах.

Метод, который я использую в этой статье, — концептуальный анализ и синтез. Я раскладываю на части и объединяю понятия из трансцендентальной философии и философии науки Лакатоса. Это необходимо, чтобы показать, как, совмещая обе методологии, можно получить более четкое понимание механизмов осуществления научных исследований в форме проектов и программ. В первой части статьи я обращаю внимание на метафизику как дисциплину, в рамках которой затем будут рассмотрены методологии Канта и Лакатоса. Наш предмет исследования имманентно-философский, то есть мы будем заниматься философией и применять обе методологии к трансцендентальной философии, а не к какой-либо естественно-научной теории. Во время обсуждения мы будем все время находиться в рамках программатической метафизики как дисциплинарного подразделения метафизики. Во второй части я покажу, как можно понять трансцендентальную философию исходя из теории Канта об архитектурных идеях. В третьей части теория научно-исследовательских программ станет исходным пунктом для понимания трансцендентальной философии, представляя ее в методологически более широком виде. В заключении я подведу итоги и продемонстрирую, как обе методологии могут дополнить друг друга и помочь глубже понять проект трансцендентальной философии.

on the one hand, is more flexible compared to its forerunners and, on the other hand, is more systematic compared to the theories of its critics or followers. Finally, both methodologies (Kant's and Lakatos's) are based on the notion that our knowledge and sets of theories have a certain *gravitational centre* which is so powerful that theories and knowledge concentrate, revolve and develop around it like planets and other astronomical objects revolve around the Sun in planetary systems.

The method I use in this article is conceptual analysis and synthesis. I break down into parts and then combine concepts from transcendental philosophy and Lakatos's philosophy of science. This is necessary in order to show how, by combining the two methodologies, a deeper insight can be achieved into how scientific research is done in the form of projects and programmes. In the first part of the article, I will focus on metaphysics as the discipline within which I will consider the methodologies of Kant and Lakatos. The object of my research is immanently philosophical, i.e. I will discuss philosophy and apply both methodologies to transcendental philosophy and not to any particular natural science theory. Throughout the discussion I will stay within the framework of programmatic metaphysics as a disciplinary department of metaphysics. In the second part, I will show how transcendental philosophy can be understood, proceeding from Kant's theory of architectural ideas. In the third, part the theory of research programmes will be the starting point for interpreting transcendental philosophy, presenting it in a methodologically broader way. In the conclusion I will sum up the results and demonstrate how the two methodologies can complement each other to gain a deeper insight into the project of transcendental philosophy.

1. Метафилософия как программатическая методология философии

Термин «метафилософия» появился в 1960-е гг. Польско-американский философ Моррис Лазерович использовал его в названии сборника «Исследования в области метафилософии» (см.: Lazerowitz, 1964), который состоял из его шести статей, включая «Методы философии» и «Скрытая структура философских теорий». В первом выпуске журнала «Метафилософия» (см.: Lazerowitz, 1970, p. 91), который издается с 1970 г. до сих пор по 5 номеров в год, он подчеркнул, что именно он ввел этот термин в научный обиход⁴. Появление этого термина, а также журнала и нескольких книг, имеющих его в названии, создали иллюзию возникновения некой новой дисциплины внутри философии — на мой взгляд, продуктивную иллюзию. Хотя некоторые авторы — такие как немецкий философ Рихард Рацш (Raatzsch, 2014) и британский философ Тимоти Уильямсон (Williamson, 2008), одна из книг о философии которого, между прочим, недавно обсуждалась в российском журнале «Эпистемология и философия науки» (см.: Васильев, 2019), — предпочитают говорить о философии философии. Они используют такой языковой оборот потому, что из-за приставки «мета» под метафилософией можно понять какой-то нежелательный второй уровень над философией. На самом деле приставку «мета» можно истолковать просто как препозицию «о», то есть термин «метафилософия» определяет, что объект философии — сама же философия. Поэтому термин «метафилософия» часто предпочитают такие центральные фигуры этой дисциплины, как, например, немецко-американский философ Николас Решер, опубликовавший несколько книг по метафилософии (Rescher, 2006; 2014), или русский философ Теодор Ойзерман (Ойзерман, 2014). Если следовать мысли историка философии Луца Гельдзецера

⁴ Вероятно, впервые этот термин был использован Карлом Леонардом Рейнгольдом (Reinhold, 1803, S. 208).

1. Metaphilosophy as the Programmatic Methodology of Philosophy

The term “metaphilosophy” was coined in the 1960s. The Polish-American philosopher Morris Lazerowitz used it in the title of the anthology *Studies in Metaphilosophy* (Lazerowitz, 1964), which comprised six of his articles, including “Methods of Philosophy” and “The Hidden Structure of Philosophical Theories”. In the first issue of the journal *Metaphilosophy* (Lazerowitz, 1970, p. 91), published since 1970 (five issues annually), he claimed to be the first to introduce the term into scientific practice.⁴ The emergence of this term, as well as the journal and several books that used the term in their titles, created an illusion — a productive illusion in my opinion — of the emergence of a new discipline within philosophy. True, some authors — e.g. the German philosopher Richard Raatzsch (2014) and the British philosopher Timothy Williamson (2008), one of whose books, incidentally, was recently discussed in the Russian journal *Epistemology and Philosophy of Science* (Vasilyev, 2019) — prefer the term “philosophy of philosophy.” They use this turn of phrase because the prefix “meta-” may suggest an undesirable second level above philosophy. In fact, the prefix “meta-” can be understood simply as meaning “about”, i.e. the term “metaphilosophy” indicates that the object of philosophy is philosophy itself. Therefore, the term metaphilosophy is often preferred, for example, by such central figures of this discipline as the German-American philosopher Nicholas Rescher (2006; 2014) who has published several books on metaphilosophy, or the Russian philosopher Teodor Oizerman (2014). If we follow the thinking of the historian

⁴ The term was probably first used by Karl Leonard Reinhold (1803, p. 208).

(Geldsetzer, 1989), в этом нет ничего необычного. В философии наблюдается ряд специализаций: если ее предмет природа, мы говорим о философии природы, если право, то о философии права. Метафилософом можно в таком случае назвать того, кто специализируется на размышлениях о философии, ее целях, назначении, формах, методах, применимости, изучении социальных и психологических факторов, влияющих на то, как мы философствуем, и т. д. Тогда метафилософию можно определить вслед за авторами первого введения в метафилософию как «исследование природы философских вопросов и методов, использованных чтобы ответить на них» (Overgaard, Gilbert, Burwood, 2013, p. 4).

Если взглянуть на историю философии, то такого рода специализацию найти трудно. Но сейчас ее существование стало возможным, и авторы могут посвящать годы занятию конкретными и эксплицитно метафилософскими вопросами. Например, краткое сочинение Хайдеггера «Что это такое — философия?» (1956) или несколько мест у Канта, где он говорит непосредственно о философии, несравнимы с объемом работ того же Решера. Конечно, все философы так или иначе задумывались над тем, что такое философия и какие методы к ней относятся, но делали это скорее имплицитно, между делом, в рамках других исследований и вопросов. Если следовать тезису Ойгена Тойниссена (Theunissen, 2014), то метафилософские вопросы начали впервые появляться у Канта и после Канта. Около 1800-х гг. произошло какое-то, как это представляет Дитер Хенрих, взрывное развитие философских теорий (Henrich, 1991, S. 217–218), непосредственно или опосредованно связанных с критической философией. Это повлекло за собой вопрос, как можно рационально осмыслить всю палитру философских разработок. Можно ли создать какую-то топологию и понять логику развития и становления разнообразных философских проектов? По мнению Тойниссена, Гегель был первым, кто глубоко и систематично занялся этим метафилософским вопросом в «Феноме-

of philosophy, Lutz Geldsetzer (1989, pp. 904-911), there is nothing unusual about it. There are several specialisations within philosophy: if its object is nature we speak about the philosophy of nature, if it is law, we speak about the philosophy of law. Accordingly, a metaphilosopher is someone who specialises in reflections about philosophy, its goals, mission, forms, methods, applicability, the study of the social and psychological factors that influence the way we philosophise etc. Then, following the authors of the first introduction to metaphilosophy, we can define metaphilosophy as “the inquiry into the nature of philosophical questions and the methods to be adopted in answering them” (Overgaard, Gilbert and Burwood, 2013, p. 4).

If we look at the history of philosophy, such specialisation is hard to identify. But today its existence has become possible and authors can devote years to dealing specifically and explicitly with metaphilosophical questions. For example, Heidegger’s short piece “What Is Philosophy?” (1956) and several passages in Kant where he speaks directly about philosophy are dwarfed, for instance, by the body of works of Rescher. Of course, all philosophers have in one way or another thought about what philosophy is and what methods it uses, but they did so rather implicitly, in passing, within the framework of other studies and questions. According to Eugen Theunissen (2014), metaphilosophical questions began to be asked by Kant and by others after him. Dieter Henrich (1991, pp. 217-218) notes an explosion of philosophical theories linked directly or indirectly with critical philosophy that occurred around the 1800s. This threw up the problem of rationally explaining the whole palette of philosophical studies. Is it possible to devise a topology and understand the logic of the emergence and development of various philosophical projects? In Theunissen’s opinion, Hegel was the first to

нологии духа». Я не согласен с ним в трех пунктах. Во-первых, не «Феноменология духа», а, как уже говорит само название произведения, «Энциклопедия философских наук» — то центральное сочинение, в котором Гегель создает диалектическую топологию философских проектов. Это произведение можно назвать парадигмальным примером систематической метафилософии, где вопрос «Что такое философия?» представляет собой главный имманентный предмет философского исследования. Во-вторых, метафилософия началась не с Канта — почему, например, размышления Платона о философии нельзя назвать философией философии? В-третьих, Тойниссен руководствуется ограниченным пониманием метафилософии как топологии философских проектов. Хотя этот пункт, безусловно, важен, он может быть только подразделом метафилософии. Я бы хотел отнести топологизирование философских проектов к определенному разделу метафилософии, который назову *программатической метафилософией*⁵. Программатическая метафилософия, или программатика философии, как я предлагаю ее концептуализировать, изучает логику создания, разработки, роста и распада, координирования и топологизирования философских теорий и программ. В философской программатике должны быть найдены ответы на следующие вопросы: (i) Как создаются философские проекты? (ii) Как они появляются, развиваются, распадаются? (iii) Как они координируются и взаимодействуют с другими теориями? (iv) Есть ли какая-то объективная логика исследований, которая стоит за *всеми* философскими проектами?

Мы, безусловно, найдем ответы на эти вопросы не только в метафилософии конца XX в., но и у Канта и Гегеля. Также ответы найдутся в философии науки, например у Куна или Лакатоса. Программатическая метафилософия должна быть открыта всем возможным философским позициям, чтобы все заинтересован-

⁵ Метафилософия сама не сводится лишь к программатике или философии науки.

address the issue in a profoundly systemic way in *The Phenomenology of Spirit*. I disagree with him on three points. First, the central work in which Hegel offers a dialectical topology of philosophical projects is *The Encyclopaedia of the Philosophical Sciences* and not *The Phenomenology of Spirit*. This work can be described as a paradigmatic example of systematic metaphilosophy where the question “What is philosophy?” is the main immanent object of philosophical inquiry. Second, metaphilosophy did not begin with Kant — for example, why cannot Plato’s reflections on philosophy be called philosophy of philosophy? Third, Theunissen has a limited notion of metaphilosophy as a topology of philosophical projects. Although it is undoubtedly an important point, it can only be a subsection of metaphilosophy. I would like to see the topology of philosophical projects as a *section* of metaphilosophy, which I would like to call *programmatically metaphilosophy*.⁵ Programmatically metaphilosophy, or the programmatic of philosophy as I propose to call it, studies the logic of the creation, development, growth and degeneration, coordination and topologisation of philosophical theories and programmes. Philosophical programmatic should answer the following questions: (i) How are philosophical projects created? (ii) How do they emerge, develop and break up? (iii) How are they coordinated and how do they interact with other theories? and (iv) Is there an objective logic of inquiry that underlies *all* philosophical projects?

We will of course find answers to these questions not only in the metaphilosophy since the end of the twentieth century, but also in Kant and Hegel. Answers will be found in the philosophy of science, for example in Kuhn or Lakatos. Programmatically metaphilosophy should

⁵ Metaphilosophy itself is not confined to programmatic or the philosophy of science.

ные могли получить наиболее разнообразную и широкую картину построения и развития философских программ.

Если мы обратим внимание на то, что было сделано в области программатической метафилософии в последнее время, то обнаружится не так много исследований на эту тему. Интересны попытки трех немецких авторов (Schnädelbach, 1994; Apel, 2011; Habermas, 2016) использовать концепт парадигм Куна в сфере философии⁶. Они поделили историю философии на три части. При этом, исходя из логики Куна, эти части несоизмеримы, они противоречат друг другу и вытесняют друг друга, то есть не могут реализовываться вместе в одно и то же время. Первая часть — это парадигма философии бытия, представляющая собой традиционную метафизику, например Платона и Аристотеля. С Декартом же появляется новая, вторая парадигма философии, опорная точка которой — анализ сознания, его функций и способностей. В этой «менталистской» парадигме движется и философия Канта. Она остается неоспоримой вплоть до философии Гегеля и левых гегельянцев, которые начинают задумываться о значении обычных людей и ежедневной рациональности, а также подготавливать следующую революцию в философии: появление так называемой лингвистической парадигмы, идущей от Фреге и Витгенштейна. В этой лингвистической парадигме находятся и сами проекты анализа коммуникативной рациональности Шнедельбаха, Апеля и Хабермаса, и большая часть современной философии.

Я укажу на три проблемы, с которыми сталкивается такой подход. Во-первых, он идеально-типично делит философию и дает лишь макроанализ философских программ, не принимая во внимание исключения и детали. Во-вторых, такая логика не позволяет понять, почему и как множество различных подходов в философии могут синхронно кооперировать и конкурировать друг с другом. В-третьих, по-

⁶ В последующем изложении я полагаюсь на вариант Шнедельбаха.

be open to all possible philosophical positions so that all those concerned might get the most diversified and broadest picture of the building and development of philosophical programmes.

If we ask what has recently been done in the field of programmatic metaphilosophy, we will not find many studies on this topic. Attempts by several German authors (*cf.* Schnädelbach, 1994, pp. 37-76; Apel, 2011; Habermas, 2016) to use Kuhn's concept of paradigms in the sphere of philosophy merit attention.⁶ They have divided the history of philosophy into three parts. Proceeding from Kuhn's logic, these parts are not commensurate, contradict one another and oust one another, i.e. cannot be realised together at the same time. The first part is the paradigm of the philosophy of being, representing the traditional metaphysics of, for example, Plato and Aristotle. With Descartes a new, second, paradigm appears which is based on the analysis of mind, its functions, and capabilities. Kant's philosophy belongs to this "mentalist" paradigm. It remains unassailable until the philosophy of Hegel and Left Hegelians, who begin to think about the significance of ordinary people and quotidian rationality and prepare the next revolution in philosophy: the emergence of the "linguistic paradigm" originating in Frege and Wittgenstein. The projects of the analysis of communicative rationality of Schnädelbach, Apel and Habermas and most of contemporary philosophy are within the linguistic paradigm.

I identify three problems in this approach. First, it divides philosophy in an ideal-typical way, providing only a macroanalysis of philosophical programmes and ignoring exceptions and details. Second, this logic leaves it unclear why a multitude of diverse approaches in phi-

⁶ In the following, I proceed from Schnädelbach's version.

добный парадигмальный подход может быть рассмотрен как пример рациональной несправедливости или метанарратива. То есть он построен под самих же авторов: философская позиция, которой они придерживаются, становится пунктом, с которого обзревается история философии и апогей ее развития.

Несмотря на эти проблемы, разделение философии на парадигмы имеет и преимущества. Это дает, в первую очередь, упрощенную картину истории философии для целей ориентирования. Например, трудно оспорить, что менталистская парадигма существовала или существует. Начиная с Декарта в ней идет речь об идеях, представлениях и способностях сознания. Это отображается и в книгах по логике того времени, например в «Логике Пор-Рояля», и в рационализме, и в эмпиризме, и в философии Канта. Представители этой парадигмы считают, что анализ функций сознания определяет возможности познания. Трудно также оспорить тот факт, что такая модель мышления начала терять значимость как универсальный ключ к решению философских проблем. Такие термины, как «ментальные способности», «разум», «представления», «сознание» и т. д., используются все реже в новых философских движениях с конца XIX — начала XX в. и сохраняют свой теоретический потенциал лишь в некоторых областях философии. Шнедельбах, Апель и Хабермас полагают, что менталистская парадигма постепенно вытесняется лингвистической. Я бы назвал последнюю *постменталистской парадигмой*. Хотя философский лингвистический анализ имел безусловно сильный вес в преодолении ментализма, были и другие не менее сильные движения, как, например, разные варианты позитивизма и философия науки. В частности, для Эрнеста Нагеля именно философия науки должна стать первой философией, она должна определять границы и возможности в мышлении и в развитии философии (Nagel, 1954, p. 298)⁷. В этой

philosophy simultaneously cooperate and compete with one another. Third, such a paradigmatic approach can be seen as an example of rational injustice or as a metanarrative. In other words, it is tailor-made for the authors: the philosophical position they hold is the point from which the history of philosophy and the apogee of its development are surveyed.

In spite of these problems, the division of philosophy into paradigms has its advantages. First and foremost, it offers a simplified picture that facilitates orientation in the history of philosophy. For instance, that the mentalist paradigm has existed or exists is hard to challenge. Beginning with Descartes, it deals with ideas, representations, and the faculties of mind. This is reflected in the logic books of the time, e.g. the Port-Royal Logic, and in rationalism, empiricism, and Kant's philosophy. The representatives of this paradigm hold that the analysis of the functions of mind determines the potential of cognition. It is hard to challenge the fact that this model of thought has begun to lose its relevance as a universal key to the solution of philosophical problems. Since the late nineteenth and early twentieth centuries such terms as "mental abilities", "reason", "representations", "consciousness" etc. have been used less and less frequently and retain their theoretical potential only in some areas of philosophy. Schnädelbach, Apel and Habermas believe that the mentalist paradigm is being supplanted by the linguistic one. I would call the latter *the post-mentalist paradigm*. Although philosophical linguistic analysis carried weight in overcoming mentalism, there have been other equally strong movements, e.g. the variants of positivism and the philosophy of science. For Ernest Nagel, the philosophy of science should become the first philosophy, it should determine the boundaries and potential of thought in the development of philosophy (Nagel, 1954,

⁷ Я благодарю Эрика Шлиссера (Eric Schliesser) за указание на этот пример.

постменталистской парадигме движется и Лакатос, для которого анализ сознания и его способностей не имеет большого значения.

Итак, предложенный мной концепт программатической метафилософии фокусируется на вопросах о том, как создаются, развиваются, организуются и координируются философские проекты. Исходя из этой исследовательской позиции далее будет рассмотрена трансцендентальная философия, причем сначала, во второй части статьи, в рамках менталистской парадигмы, к которой относится философия Канта, а затем, в третьей части, я покажу как методология научно-исследовательских программ Лакатоса в рамках постменталистской парадигмы может уточнить понимание логики развития проекта трансцендентальной философии.

2. Архитектоническое понимание трансцендентальной философии

Итак, что такое трансцендентальная философия? Есть несколько вариантов, как можно подойти к этому вопросу и дать на него ответ. Я рассмотрю его с методологической стороны. Если «Критику чистого разума» Канта читать не с начала до конца, а наоборот, с конца, то множество деталей, на которые читатель мог не обращать внимания, начнут резко бросаться в глаза. В «Трансцендентальном учении о методе» Кант объяснил, почему методология составляет вторую, а не первую часть «Критики чистого разума». Он видит ее главное предназначение не в собирании названий методов и технических терминов, а в ее применении для построения системы чистого разума (A 707–708 / B 735–736; Кант, 2006а, с. 899), основывающейся на результатах первой «Критики». Методология должна быть практической, применимой. Вообще метод в понимании Канта состоит «в таком образе действий по принципам разума, благодаря которому единственно и может многообразное в познании стать системой» (AA 05, S. 151; Кант, 1997, с. 697). То есть само понятие «метод» уже имеет в себе некий настрой

p. 298).⁷ Lakatos, for whom analysis of consciousness and its faculties are not very important, moves within this paradigm.

Thus, my concept of programmatic meta-philosophy focuses on the questions of how philosophical projects are created, developed, organised, and coordinated. Proceeding from this research position, I will examine transcendental philosophy, first, in part two of this article, within the mentalist paradigm to which Kant's philosophy belongs and then, in the third part, I will demonstrate that Lakatos's methodology of research programmes within the framework of the post-mentalist paradigm can offer new insights into the logic of development of the transcendental philosophy project.

2. Architectonic Concept of Transcendental Philosophy

What then is transcendental philosophy? There are several ways of approaching and answering this question. I am going to look at it from the methodological point of view. If one reads Kant's *Critique of Pure Reason* not from the beginning to the end but backward, starting from the end, many details leap out at the reader that he may have overlooked. In "The Transcendental Doctrine of Method" Kant explains why methodology is the second and not the first part of the *Critique of Pure Reason*. He sees its main purpose not in collecting names of methods and technical terms, but in applying it to building a system of pure reason (*KrV*, A 707-708 / B 735-736; Kant, 1998, p. 627), based on the results of the first *Critique*. Methodology should be practical and applicable. In general, according to Kant, method is a "procedure in accordance with principles of reason by which alone the manifold of a cognition can

⁷ I am grateful to Eric Schliesser for bringing this example to my attention.

на подвижность, элемент активного создания систем. И это неудивительно, если взглянуть хотя бы на этимологию этого слова, которое в древнегреческом составляется из *metá* (после, следующее) и *hodós* (путь) и изначально переводится как «путь, дорога к чему-то» — *méthodos*. Однако чтение «Трансцендентального учения о методе» ретроспективно объясняет подход Канта к написанию первой части «Критики» и раскрывает изначально не совсем очевидный смысл заголовка и понятия «Идея трансцендентальной философии» (A 01; Кант 2006б, с. 29; A 13; Кант 2006б, с. 43; B 27; Кант, 2006а, с. 81) и ее описания во введении.

В первую очередь становится ясно, почему Кант дает некоторые пояснения о сущности трансцендентальной философии, но не предоставляет какого-либо систематического и конструированного определения. Дело в том, что трансцендентальная философия — это наука, что она определяет все понятия и принципы, нужные для познания априори, что «Критика чистого разума» дает идею и план для полной разработки трансцендентальной философии, то есть она идентична с трансцендентальной философией, но еще не является ею (см.: A 14 / B 28; Кант, 2006а, с. 83), что она никак не относится к практической философии и делится на две части: «Учение о началах» и «Учение о методе» (см.: A 13–16; Кант 2006б, с. 43–45; B 27–29; Кант, 2006а, с. 81–85).

Такая аккумуляция теоретических элементов выглядит скорее как набросок, но не как подробное определение. Ключ к этому лежит в кантовском понимании дефиниций в философии. Как поясняется в разделе «Дисциплина чистого разума в догматическом применении», определения понятий, которые даны нам априори, не могут быть успешными, или возможными. Если определение понять строго как попытку «изначально давать подробно-обстоятельное изложение понятия вещи в его границах» (A 727 / B 755; Кант, 2006а, с. 921), то с такими концептами априори, как «субстанция», «причина» и «право», возникают проблемы (A 728 /

become a *system*” (*KpV*, AA 05, p. 151; Kant, 1996a, p. 261). That is, the concept of “method” already implies a certain mobility, an element of active creation of systems. This is not surprising if one looks at the etymology of the word, which in Greek consists of *metá* (“after,” “following”) and *hodós* (“way”), and which initially translates as the “way,” or “road towards something,” *méthodos*. On the other hand, the reading of “The Transcendental Doctrine of Method” retrospectively explains Kant’s approach to the writing of the first part of the *Critique* and the initially not quite clear meaning of the title, “The Idea of Transcendental Philosophy” (*KrV*, A 01; Kant, 1998, pp. 127; see A 13, B 27; Kant, 1998, pp. 134, 150-151) and its description in the introduction.

First, it becomes clear why Kant provides some clarifications of the essence of transcendental philosophy, but does not give any systemic and constructed definition. He states that transcendental philosophy is a science, that it defines *a priori* all the concepts and principles needed for cognition, that the *Critique of Pure Reason* formulates the idea and plan for the complete development of transcendental philosophy, i.e. it is identical to but is not yet transcendental philosophy (*KrV*, A 14 / B 28; Kant, 1998, p. 151), that it does not relate to practical philosophy and falls into two parts: “The Doctrine of Elements” and “The Doctrine of Method” (*cf.* *KrV*, A 13-16; Kant, 1998, pp. 134-135; B 27-29; Kant, 1998, pp. 150-152). Such accumulation of theoretical elements looks more like a sketch than a detailed definition. The key to this is Kant’s concept of definitions in philosophy. As explained in the section, “The Discipline of Pure Reason in Dogmatic Use”, definitions of concepts, given us *a priori*, cannot be successful or possible. If the definition is understood strictly as an attempt “to exhibit originally the exhaustive concept of a thing within its boundaries” (*KrV*, A 727 / B 755; Kant, 1998,

В 756; Кант, 2006а, с. 923). Можем ли мы узнать, к примеру, когда мы определили право первоначально, не дедуцировав его исходя из другого концепта, то есть полностью его изложили и определили его границы? Мы можем, конечно, попытаться, но наша попытка приведет, скорее, к экспозиции каких-то элементов полного определения и будет содержать множество неясных представлений, не полностью отображающих предмет исследования. Все кажется проще с тем, что Кант называет произвольно мыслимыми понятиями (А 729 / В 757; Кант, 2006а, с. 923–925), которые не исходят из природы нашего разума и которых нет в опыте. Он дает пример «корабельных часов»: существуют они или нет, и в какой форме — не важно. Я могу детально описать и определить их или, скорее, декларировать их как какой-то вымышленный проект, который у меня появился в уме. Трансцендентальная философия же не относится к таким понятиям, которые можно свободно образовывать и определять как захочется. То есть это не какой-то декларируемый вымышленный и произвольно определяемый проект, а концепт априори, как, например, субстанция или право, вырастающий из природы нашего разума. Его составляющие, понятия философии и трансцендентальности, появились задолго до Канта и представляют собой задачи, которые были поставлены разумом для решения определенных рациональных проблем.

Понятие философии, как известно, возникло и изначально развивалось в Древней Греции, а концепт трансцендентальности, в свою очередь, являлся техническим термином в метафизике, вернее, того раздела метафизики, который с XVI в. называли «онтологией». Кант называет ее в первой «Критике» «трансцендентальн[ая] философ[ия] древних» (В 113; Кант, 2006а, с. 181). Онтология, по Вольфу, — это часть *metaphysica generalis* в отличие от *metaphysica specialis*, которая занималась вопросами о Боге, душе и мире. В средневековой философии (например, у Альберта Великого, Фомы Аквинского, Иоанна Дунса Скота) шла речь о трансценденталь-

п. 637), problems arise with such *a priori* concepts as “substance,” “cause” and “right” (*KrV*, А 728 / В 756; Кант, 1998, p. 638). For example, can we know when it was that we first defined right without deducing it, proceeding from another concept, i.e. when we completely described it and defined its boundaries? We may of course try, but our attempt would lead rather to an exposition of some elements of a full definition and would contain many unclear representations that do not fully reflect the object of study. Things are simpler with what Kant calls arbitrarily thought concepts (*KrV*, А 729 / В 757; Кант, 1998, p. 638), which do not arise from the nature of our reason and do not exist in experience. He cites an example of a “chronometer” — whether it exists or not, and in what form does not matter. I can describe and define it in detail or rather declare it as an imagined project which appeared in my mind. Transcendental philosophy is not a concept that one can freely form and define at will. That is, it is not a declared, imagined and arbitrarily defined project, but an *a priori* concept, as for example, substance or right, arising from the nature of our reason. Its components, the concepts of philosophy and transcendence, appeared long before Kant and are tasks set by reason to solve certain rational problems.

The concept of philosophy arose and initially developed in Ancient Greece and the concept of transcendental philosophy in turn was a technical term in metaphysics or, rather, the department of metaphysics called “ontology” since the sixteenth century. In the first *Critique* Kant refers to it as “transcendental philosophy of the ancients” (*KrV*, В 113; Кант, 1998, p. 216). According to Wolff, ontology is part of *metaphysica generalis* as distinct from *metaphysica specialis*, which dealt with the questions of God, the soul, and the world. Medieval philosophy (e.g. Albert the Great, Thomas Aquinas and Duns Scotus) dealt with transcendental predi-

ных предикатах, или трансценденталиях, которые, как говорит латинское слово *transcendere*, выходили за пределы конкретных видимых вещей как какие-то высокие, над ними стоящие сверхкатегории. Примеры таких сверхкатегорий, которые присущи многим вещам, — это бытие, истина, хорошее, единство, инобытие и т. д. Из этого следует, что трансцендентальная философия — не какой-то сконструированный Кантом проект, который можно определить как угодно, а уже существующее предприятие человеческого разума. Сам ранний Кант в своем докритическом периоде так же, как Христиан Вольф, использует понятие трансцендентальности именно в этом старом значении из средневековой и схоластической онтологии⁸. В ранней работе Канта о метафизике и геометрии (1756) найдется термин *philosophia transscendentalis* (AA 01, S. 475; Кант, 1994д, с. 315), который получит обновленное значение в критический период. То, что происходит начиная с «Критики чистого разума», — это переосмысление уже имеющегося понятия, очищение, уяснение, более четкая и правильная его экспозиция. То есть Кант претендует не на создание новой конструкции, а на лучшее описание того, что уже существовало в разуме его предшественников, но что они, как и он сам ранее, еще не до конца поняли и прояснили, так как искали трансценденталии в объектах, а не в понятиях и способностях рассудка и разума. Именно поэтому он остается осторожным во Введении в «Критику чистого разума»: понятие трансцендентальной философии получает определенную экспозицию, представляются некоторые элементы возможной дефиниции, но не она сама. Дефиниции в строгом смысле возможны только в математике, где они могут быть даны в начале исследований. Философия же, как пишет Кант в «Учении о методе», не должна повторять за математикой, мы скорее собираем элементы и лишь в конце исследова-

⁸ Историю понимания Кантом трансцендентальности и трансцендентальной философии см.: (Hinske, 1970; Hinske, 1998; Förster, 2015).

цates or *transcendentalia*, which, as suggested by the Latin word *transcendere*, were beyond concrete visible things as higher super-categories. Examples of such super-categories inherent in many things are being, truth, good, unity, other-being etc. From this it follows that transcendental philosophy is not a project constructed by Kant which can be defined in any number of ways, but a pre-existing enterprise of human reason. Early Kant in his pre-critical period, like Christian Wolff, uses the concept of transcendentality in the old meaning it had in medieval and scholastic ontology.⁸ The term *philosophia transscendentalis* (*MonPh*, AA 01, p. 475; Kant, 1992a, p. 51), which occurs in Kant's early work on metaphysics and geometry, acquires a renewed meaning in the critical period. What happens, beginning from the *Critique of Pure Reason*, is a rethinking of an existing concept, a cleansing, clarification and more precise exposition of the concept. Kant does not claim to have come up with a new construction, but merely to have offered a better description of what had already existed in the minds of his predecessors, but what they, like he himself earlier, had not entirely understood and clarified because they were looking for *transcendentalia* in objects and not in concepts and faculties of reason and understanding. That is why he remains cautious in the introduction to the *Critique of Pure Reason*: a certain exposition of the concept of transcendental philosophy is given, elements of a possible definition are there, but not the definition itself. Definitions, strictly speaking, are possible only in mathematics, where they can be given at the start of an inquiry. Philosophy, as Kant writes in "The Doctrine of Method", should not mimic mathematics; we can only try, after collecting elements, to give a definition at the end of the investigation (*KrV*, A 730 / B 758; Kant, 1998,

⁸ On the history of Kant's interpretation of transcendentalism and transcendental philosophy see Hinske (1970; 1998) and Förster (2015).

ний, когда четко обзираем весь наш предмет, можем попытаться дать дефиницию (А 730 / В 758; Кант, 2006а, с. 925). При этом появляется вопрос: когда действительно заканчиваются исследования и можем ли мы с уверенностью сказать, что все элементы для возможного определения трансцендентальной философии собраны? Если бы процесс исследований был закончен в «Критике чистого разума», то Кант должен был бы дать ее подробное определение во Введении во второе издание, написанном спустя 6 лет после выхода первого, но его там нет. Процесс исследований и дополнений определения трансцендентальной философии не заканчивается и в последующих работах Канта. Трудно сказать, завершается ли он с работами Рейнгольда, Фихте или неокантианцев. В методологической перспективе Канта трансцендентальная философия — это живой концепт-в-прогессе, а не произвольно выдуманный проект и не концептуальная мумия-экспонат в истории философии.

Поэтому — и это второй важный момент «Трансцендентального учения о методе» — трансцендентальная философия как понятие априори является идеей. Не изучив «Трансцендентальную диалектику» и архитектурную методологию, читатель не обратит должного внимания на термин «идея» в формулировке «идея трансцендентальной философии» (А 14 / В 28; Кант, 2006а, с. 83) в обоих Введениях в «Критику чистого разума». Как я уже показал, трансцендентальная философия не может декларироваться, как, например, свободно выдуманный проект «корабельных часов». Под идеей Кант понимает самую высшую и чистую форму представлений, на которую способно наше сознание. Здесь идет речь не об ощущении, не о созерцании, не об эмпирических понятиях, как, например, стол или ель, и даже не о категориях, таких как количество или причина, и не о предикабилиях, как длительность или сила. Идеи — это понятия разума, «для которого в чувствах не может быть дан никакой адекватный предмет» (А 327 / В 383; Кант,

p. 639). The question suggests itself: When does an investigation end and can we confidently say that all the elements of a possible definition of transcendental philosophy have been gathered? If the process of investigation had been completed in the *Critique of Pure Reason* Kant should have given a detailed definition in the introduction to the second edition written six years later — but this is not the case. The process of investigation and additions to the definition of transcendental philosophy continues in Kant's following works. Whether it ends with the work of Reinhold or Fichte or neo-Kantians, it is hard to say. In Kant's methodological perspective, transcendental philosophy is a dynamic concept-in-progress and not an arbitrarily invented project or a mummified exhibit in the history of philosophy.

Therefore — and this is the second important feature of “The Transcendental Doctrine of Method” — transcendental philosophy as an *a priori* concept, is an idea. Without studying the “Transcendental Dialectic” and architectonic methodology the reader may not give due weight to the term “idea” in the phrase “the idea of transcendental philosophy” (*KrV*, A 14 / В 28; Kant, 1998, p. 151) in the two introductions to the *Critique of Pure Reason*. As I have mentioned, transcendental philosophy cannot be declared similar to a freely invented project like a “chronometer”. By “idea” Kant means the highest and purest form of representations our mind is capable of. This is not about sensation or intuition nor about such empirical notions as a table or a tree, and not even about categories such as quantity or causality, and not about *praedicabilia* such as duration or force. Ideas are concepts of reason “to which no congruent object can be given in the senses” (*KrV*, A 327 / В 383; Kant, 1998, p. 402). The infinity of the universe, for example, belongs to the type of representation “idea.” It can be thought, but it cannot be seen and empirically

2006а, с. 493). Бесконечность вселенной, например, является видом представления «идея». Ее можно умозаключить, но нельзя увидеть и эмпирически подтвердить. Кант различает множество таких чистых понятий, на которые мы способны, и определяет их функции в разных сферах наук и знаний. Идеи — это естественные, лежащие в природе нашего разума задачи (А 323 / В 380; Кант, 2006а, с. 489), которые имеют такие характеристики, как максимум и совершенство (А 316—317 / В 373—374; Кант, 2006а, с. 481—483; АА 09, S. 444; Кант, 1994б, с. 402—403), то есть представляют то, чего не найти в опыте.

Итак, почему трансцендентальная философия — это идея? Чтобы это понять, нужно рассмотреть архитеконику Канта как часть учения о методе. Архитектоника — это искусство построения систем знания. То есть к ней нужно обращаться, чтобы узнать, как можно связать отдельные познания воедино — не только в определенные системы и науки, но и в одно целое всего человеческого знания. Один из примеров, который можно найти в главе об архитектонике и в лекциях по логике Канта, это юриспруденция (АА 09, S. 93; Кант, 1994а, с. 348). Правоведы анализируют разные права и области права и относят все знания к одной целостной науке. Они имеют представление о юриспруденции, но сама юриспруденция не изложена в какой-то определенной книге, существуют только разные, частично противоречащие друг другу версии описания и определения самого права и структуры прав. Поэтому юриспруденция являет собой идею, эвристическое понятие, которое правоведы ищут и до которого они пытаются дотянуться как до какого-то архетипа, но, определяя и описывая его, получают только ту или иную ограниченную выбранной перспективой версию.

Аналогично все науки, отдельные их части и сама наука в целом представляются Кантом как архитектурные идеи (см.: Левин, 2020). Он пишет: «Никто не пытается создать науку, не полагая в ее основу идею. Однако при разработке науки схема и даже даваемая вначале

confirmed. Kant distinguishes many such pure concepts we are capable of and defines their functions in various spheres of sciences and knowledge. Ideas are natural tasks of our reason that are inherent in its nature (*KrV*, A 323 / B 380; Kant, 1998, p. 400) and have such characteristics as maximum and perfection, (cf. *KrV*, A 316-317 / B 373-374; Kant, 1998, p. 397; *Päd*, АА 09, p. 444; Kant, 2007, p. 440), i.e. represent what is not in experience.

Why, then, is transcendental philosophy an idea? To understand this, we need to examine Kant's architectonics as part of the doctrine of method. Architectonics is the art of building knowledge systems. One should turn to it to know how to connect individual cognitions into one: not just into systems and sciences, but into a single whole of all human knowledge. One example, found in the chapter on architectonics and in Kant's lectures on logic, is jurisprudence (see *Log*, АА 09, p. 93; Kant, 1992b, p. 591). Legal scholars analyse various law systems and areas of law and refer all knowledge to one integral science. They have a notion of jurisprudence, but jurisprudence is not set forth in any particular book, there only exist diverse, partly mutually contradictory versions of the description and definition of law and the structure of laws. Therefore, jurisprudence is an idea, a heuristic concept which legal scholars seek and which they try to reach as an archetype. But in defining and describing it they arrive only at a version limited by the chosen perspective.

Likewise, all the sciences, their parts and science as a whole are conceived of by Kant as architectonic ideas (see Lewin, 2020). He writes:

Nobody attempts to establish a science without grounding it on an idea. But in its elaboration the schema, indeed even the definition of the science which is given right at the outset, seldom corresponds to the idea; for this lies in reason like a seed, all of whose parts still

дефиниция науки весьма редко соответствуют идее схемы, так как она заложена в разуме подобно зародышу, все части которого еще не развиты и едва ли доступны даже микроскопическому наблюдению» (А 834 / В 862; Кант, 2006а, с. 1045). То же относится и к философии как науке. Кант пишет, что философии нельзя обучить — «в самом деле, где она, кто обладает ею и по какому признаку можно ее опознать? [Теперь] можно обучать только философствованию, т. е. упражнять талант разума на некоторых имеющихся примерах...» (А 838 / В 866; Кант, 2006а, с. 1049). Философия «есть только идея возможной науки, которая нигде не дана *in concreto*, но к которой мы пытаемся приблизиться различными путями...» (А 838 / В 866; Кант, 2006а, с. 1049). Если мы попытаемся определить философию, например, в рамках метафилософских размышлений, то мы объективируем идею в какой-то определенной форме. И эта форма будет зависеть от того, какое философское направление мы предпочитаем.

Трансцендентальная философия как подраздел философии представляет собой также архитектурную идею. Это отчасти означает, как Кант пишет в «Пролегоменах», что трансцендентальной философии пока что нет (AA 04, S. 279; Кант, 1994в, с. 32–33). И, как я уже описал, ее дефиниция в строгом смысле всегда будет неполноценна и ограничена, она может иметь значимость только как экспозиция моментов дефиниции. К тому же как термин «трансцендентальная философия», так и термины «трансцендентальность» и «философия» представляют концепты, которые уже были определены до Канта. К этому можно отнестись двояко. Можно полностью перестроить смысл понятия трансцендентальной философии, обрушив все прошлые построения и начав с чистого листа. Или сказать, что трансцендентальная философия родилась как идея в разуме человека, но эта идея до сих пор плохо определена (этим путем идет Кант). То есть это некий проект, который уже обдумывали, но

lie very involuted and are hardly recognizable even under microscopic observation (*KrV*, A 834 / В 862; Кант, 1998, p. 692).

The same holds for philosophy as a science. Kant writes that philosophy cannot be learned, “for where is it, who has possession of it, and by what can it be recognised? One can only learn to philosophise, i.e. to exercise the talent of reason [...] in certain experiments that come to hand” (*KrV*, A 838 / В 866; Кант, 1998, p. 694). Philosophy “is a mere idea of a possible science, which is nowhere given *in concreto*, but which one seeks to approach in various ways” (*KrV*, A 838 / В 866; Кант, 1998, p. 694). If we try to define philosophy for example in the framework of metaphilosophical reflections, we objectivise the idea in a certain form. This form would depend, for example, on what philosophical direction we prefer.

Transcendental philosophy as a subdivision of philosophy is also an architectonic idea. This means partly that, as Kant writes in the *Prolegomena*, transcendental philosophy does not yet exist (*Prol*, AA 04, p. 279; Кант, 2002, p. 279). And, as I have indicated, its definition in the strict sense will always be wanting and limited. It may have significance only as the exposition of elements of the definition. Besides, the term “transcendental philosophy,” like the terms “transcendentality” and “philosophy”, are concepts which had already been defined before Kant. This may prompt two different approaches. One may totally restructure the meaning of the concept of transcendental philosophy, scrapping all past schemes and starting with a clean slate. Or one may say that transcendental philosophy was born as an idea in human reason, but the idea has yet to be properly defined (the path followed by Kant). In other words, it is a project which has been reflected upon, but whose description can be improved to cre-

описание которого можно улучшить, чтобы создать более содержательную и продуктивную науку и увидеть изначальную идею в более ярком свете. Кант пишет:

Поэтому науки, так как они сочиняются с точки зрения некоторого всеобщего интереса, следует объяснять и определять не соответственно описанию, даваемому их основателем, а соответственно идее, которая ввиду естественного единства составленных им частей оказывается основанной в самом разуме. Действительно, нередко оказывается, что основатель [науки] и даже его позднейшие последователи блуждают вокруг идеи, которую они сами не уяснили себе, и потому не могут определить истинное содержание, расчленение (систематическое единство) и границы своей науки (A 834 / B 862; Кант, 2006а, с. 1045).

Пусть идея трансцендентальной философии уже была в человеческом разуме как исходный пункт критического проекта, но она была еще недостаточно прояснена в разуме. И ее прояснение, улучшенное описание дает толчок к ее развитию. Конечно, это высказывание Канта про недоверчивость к описанию идеи автором конкретной науки можно отнести и к нему самому. Во-первых, как я показал, Кант сам переосмысливает концепт трансцендентальной философии, который он использовал в докритический период — так сказать, очищает эту идею от неправильного понимания. Во-вторых, он открывает возможность критики его же собственной экспозиции трансцендентальной философии. Например, Фихте предъявил Канту претензию в том, что тот не увидел первоначальную идею в настолько ярком свете, как он (Фихте, 1993, с. 505—506). Как мы знаем из «Заявления по поводу наукоучения Фихте» (AA 12, S. 370; Кант, 1980), это Канту не понравилось. Также предметом дискуссии может быть вопрос о том, кто — Кант или Фихте — яснее увидел идею трансцендентальной философии. В-третьих, Кант следует своей же методологии и вносит изменения в изначальное описание и план трансцендентальной философии после

ate a more substantive and productive science and see the initial idea in a brighter light. Kant writes:

For this reason sciences, since they have all been thought out from the viewpoint of a certain general interest, must not be explained determined in accordance with the description given by their founder, but rather in accordance with the idea, grounded in reason itself, of the natural unity of the parts that have been brought together. For the founder and even his most recent successors often fumble around with an idea that they have not even made distinct to themselves and that therefore cannot determine the special content, the articulation (systematic unity) and boundaries of the science (*KrV*, A 834 / B 862; Kant, 1998, p. 692).

The idea of transcendental philosophy may already be in human reason as the starting point of a critical project, but it has not yet been sufficiently clarified in reason. Its clarification and improved description give an impetus to its development. Kant's expression of mistrust in the description of an idea by the author of a concrete science may of course be applied to himself as well. First, as I have shown, Kant himself rethinks the concept of transcendental philosophy which he used in the pre-critical period. In other words, he cleanses the idea, as it were, of incorrect interpretation. Second, he exposes to criticism his own exposition of transcendental philosophy. For example, Fichte criticised Kant for failing to see the initial idea in as bright a light as he himself (Fichte, 1982, pp. 51-52). As we know from the "Declaration Concerning Fichte's *Wissenschaftslehre*" (*Br*, AA 12, p. 370; Kant, 1999, pp. 559-560), Kant did not like that. And it is still debatable whether it was Kant or Fichte who saw the idea of transcendental philosophy more clearly. Third, Kant follows his own methodology and introduces changes in the initial description and plan of transcendental philosophy after the publication of the *Critique of Pure Reason*. That

публикации «Критики чистого разума». То есть и сам Кант несколько блуждает вокруг ее идеи, которую он сам себе еще не до конца уяснил в первой «Критике». Я кратко изложу почему.

Во-первых, есть разница между тем, как Кант устанавливает трансцендентальную философию и ее отношение к метафизике в первой «Критике», с одной стороны, и в «Лекциях о метафизике 1782/83 годов» и «Пролегоменах» — с другой. (1) В лекциях и «Пролегоменах» цель трансцендентальной философии сводится к одному вопросу: как возможны синтетические суждения *a priori* (AA 29, S. 788; AA 04, S. 276; Кант 1994в, с. 29)?⁹ Кант несколько позже заметил, что в его критической версии онтологии, то есть в его трансцендентальной философии¹⁰, это главный вопрос, стоящий за рассмотрением рассудка и разума «в системе всех понятий и основоположений, относящихся к предметам вообще» (A 845 / B 873; Кант, 2006а, с. 1057). И это же затем нашло отражение во Введении ко второму изданию первой «Критики». (2) Также можно найти различие в том, какое место Кант определяет трансцендентальной философии во всей системе философии. В то время как в «Критике чистого разума» она составляет одну из частей метафизики в более узком понимании, то есть теоретической части метафизики — метафизики природы (Там же), в «Пролегоменах» трансцендентальная философия должна предшествовать любой метафизике (AA 04, S. 279; Кант 1994в, с. 32–33). Таким образом, здесь есть какой-то архитектурный диссонанс и неопределенность в понимании места трансцендентальной философии в структуре философии.

Во-вторых, в последующих двух «Критиках»

⁹ Этот вопрос ставится, как можно предположить исходя из письма Канта Герцу от 21.02.1772 г. (см.: AA 10, S. 130), на фоне общей эпистемологической проблемы соответствия предметов и представлений (см.: Катречко, 2020).

¹⁰ Как я показал, термин «трансцендентальная философия» обозначал ранее онтологию. Теперь же Кант просит понимать онтологию как трансцендентальную философию в новом смысле. О соотношении онтологии и трансцендентальной философии см. замечание в третьей части этой статьи.

is, he himself fumbles around its idea which he had not yet finally clarified for himself in the first *Critique*. I will briefly explain why.

First, there is a difference between how Kant sets up transcendental philosophy and its attitude to metaphysics in the first *Critique*, on the one hand, and in the *Lectures on Metaphysics* of 1782/83 and the *Prolegomena*, on the other. (1) In the lectures and in the *Prolegomena* the goal of transcendental philosophy boils down to one question: How are *a priori* synthetic judgements possible? (cf. *V-Met/Mron*, AA 29, p. 788; Kant, 1997, p. 143; *Prol*, AA 04, p. 276; Kant, 2002, p. 72).⁹ Kant noticed that in his critical version of ontology, i.e. in his transcendental philosophy,¹⁰ this is the key question in the analysis of the understanding and reason “in a system of all concepts and principles that are related to objects in general” (*KrV*, A 845 / B 873; Kant, 1998, p. 698). And this was then reflected in the *Introduction* to the second edition of the first *Critique*. (2) One can also discern a difference in how Kant determines the place of transcendental philosophy in the entire system of philosophy. Whereas in the *Critique of Pure Reason* it constitutes one part of metaphysics in a more narrow meaning, i.e. the theoretical part of metaphysics, the metaphysics of nature (*KrV*, A 845 / B 873; Kant, 1998, p. 699); in the *Prolegomena* transcendental philosophy must precede any metaphysics (*Prol*, AA 04, p. 279; Kant, 2002, p. 75). In other words, there is an architectonic discord and uncertainty in understanding the place of transcendental philosophy in the structure of philosophy.

⁹ As Kant’s letter to Herz of 21 February 1772 suggests (see *Br*, AA 10, p. 130), this question is raised against the background of the general epistemological problem of the congruence of objects and representations (see Katrechko, 2020).

¹⁰ As I have shown, the term “transcendental philosophy” previously meant ontology. Now Kant urges understanding ontology as transcendental philosophy in a new meaning. On the relationship between ontology and transcendental philosophy, see the note in the third part of this article.

наблюдаются некоторые значимые изменения, которые Кант вносит в изначальный план понимания идеи трансцендентальной философии. В «Критике чистого разума» сразу в нескольких местах (A 15 / B 29, A 845 / B 873; Кант, 2006а, с. 83, 1057) Кант относит трансцендентальную философию исключительно к теоретической философии, то есть в ней идет речь об априорных понятиях и принципах мышления, относящихся к познанию природы. Но учитывая, что главный вопрос трансцендентальной философии — это вопрос о возможности синтетических суждений априори, во внимание попадает и категорический императив. Уже в «Основоположении к метафизике нравов» он представляется как синтетическое суждение априори, так как в нем соединяются воля и действие независимо от каких-либо склонностей, а только благодаря руководству со стороны идеи разума, имеющего «полную власть над всеми субъективными побудительными причинами» (AA 04, S. 420 Anm.; Кант 1994г, с. 194 примеч.). Понимая, что здесь тоже требуется трансцендентальный анализ, Кант даже думал о том, чтобы внедрить «Критику практического разума» во второе издание «Критики чистого разума» (см.: Förster, 2015, S. 2322). Но вскоре он понял, что и в нашей эстетической способности суждения также есть синтетический принцип априори, поскольку мы говорим о прекрасном с притязанием, что все согласится с нашим суждением. То есть критика эстетической способности суждения «переводит их (эстетические суждения.— М. Л.) в трансцендентальную философию» (AA 05, S. 266; Кант, 2001, с. 307), и поэтому «задача критики способности суждения относится к общей проблеме трансцендентальной философии: как возможны априорные синтетические суждения?» (AA 05, S. 289; Кант, 2001, с. 365). Таким образом, концепт трансцендентальной философии по сравнению с изначальным планом все более и более расширяется.

В-третьих, наблюдаются и большие изменения в «Opus postumum», где Кант соединяет трансцендентальную философию с теори-

Second, in the two following *Critiques* there are some significant changes which Kant introduced to the initial plan of interpretation of transcendental philosophy. In the *Critique of Pure Reason*, in several places (cf. *KrV*, A 15 / B 29; A 845 / B 873; Kant, 1998, p. 135, 698), Kant includes the whole of transcendental philosophy in theoretical philosophy, i.e. it has to do with *a priori* concepts and principles of thought pertaining to the cognition of nature. But since the main question of transcendental philosophy is the question of the possibility of *a priori* synthetic judgements, the categorical imperative also comes within his purview. Already in *The Metaphysics of Morals* it is presented as a synthetic *a priori* judgement because it combines will and action independently from any inclinations, and solely through the guidance of the idea of reason, which has “complete control over all subjective motives” (*GMS*, AA 04, p. 420n; Kant, 1996, p. 72n). Realising that here too transcendental analysis was called for, Kant was even thinking of incorporating the *Critique of Practical Reason* into the second edition of the *Critique of Pure Reason* (Förster, 2015, p. 2322). But before long he realised that our aesthetic faculty of judgement also involves the synthetic *a priori* principle, inasmuch as we speak about beauty, assuming that everyone agrees with our judgement. In other words, critique of the aesthetic power of judgement “transposes them [aesthetic judgements — M. L.] into transcendental philosophy” (*KU*, AA 05, p. 266; Kant, 2000, p. 149), which is why “the problem of the critique of the power of judgement belongs under the general problem of transcendental philosophy: How are synthetic *a priori* judgements possible?” (*KU*, AA 05, p. 289; Kant, 2000, p. 169). Thus, the concept of transcendental philosophy becomes broader and broader compared to the initial plan.

Third, major changes are observed in *Opus postumum*, where Kant combines transcendental philosophy with the theory of self-de-

ей самоопределения [*Selbstsetzung*]: «Трансц[ендентальная]: фил[ософия] есть акт сознания, посредством которого субъект создает самого себя» (AA 21, S. 78; Кант, 2000, с. 563).

Как мы видим, у Канта все происходит именно так, как он описывает в своем «Учении о методе». Трансцендентальной философии нельзя дать окончательное определение, потому что это априорное понятие, которое определяется только путем экспозиции некоторых элементов. И этот концепт априори в форме трансцендентальной философии — архитектурная идея. А архитектурные идеи не отождествляются с их описанием, все описания — скорее лишь попытки увидеть их в правильном свете. Своими попытками определить и разработать идеальный концепт трансцендентальной философии Кант ищет и развивает свой проект, внося, если посчитать, минимум пять корректировок в изначальный план.

3. Научно-программатическое понимание трансцендентальной философии

Как мы видели, трансцендентальная философия не появилась у Канта как Афина из головы Зевса, сразу зрелой и вооруженной. Афина уже была до него — это была «трансцендентальная философия древних», то есть онтология, которую Кант пытался улучшить, внося ряд изменений в первоначальный план. Трансцендентальная философия представляется, таким образом, живой философской программой в состоянии разработки. При этом Кант руководствовался собственной программатической метафилософией и собственной методологией создания и развития философских проектов, основываясь на менталистских понятиях. Обращаясь к философии науки Лакатоса и пользуясь его инструментарием, можно подтвердить общие методологические представления Канта и описать развитие трансцендентальной философии более четкими техническими понятиями, которых у Канта еще не было. Хотя

termination [*Selbstsetzung*]: “Transcendental philosophy is the act of consciousness whereby the subject becomes the originator of itself” (OP, AA 21, p. 78; Kant, 1993, p. 245).

We see that with Kant everything happens exactly as he describes in his “Doctrine of Method.” No final definition of transcendental philosophy is possible because it is an *a priori* concept which is defined only through the exposition of some of its elements. And this *a priori* concept in the form of transcendental philosophy is an architectonic idea. Architectonic ideas are not identified with their descriptions, all the descriptions are rather attempts to see them in the correct light. In his attempts to define and work out an ideal concept of transcendental philosophy Kant seeks and develops his project, introducing at least five adjustments to the initial plan.

3. Scientific-Programmatic Understanding of Transcendental Philosophy

As we have seen, Kant’s transcendental philosophy did not come out of Zeus’s head like Athena, mature and in full armour. Athena existed before him in the shape of the “transcendental philosophy of the ancients”, i.e. ontology, which Kant tried to improve by introducing a number of changes into the initial plan. Thus, transcendental philosophy is a living philosophical programme, work-in-progress. Kant had his own programmatic metaphilosophy and his own methodology of creating and developing philosophical projects based on mentalist concepts. Turning to Lakatos’s philosophy of science and using his toolkit, we can corroborate Kant’s general methodological ideas and describe the development of transcendental philosophy in clearer technical terms which Kant did not have. Although Lakatos (1978c, p. 139) who, to use

Лакатоса, разбуженного, по его собственным словам, Поппером от догматического сна гегельянства, в котором он находился около 20 лет (см.: Lakatos, 1978, p. 139), можно отнести к неопозитивизму, его утонченный вариант фальсификационизма и его информированность в разных направлениях философии дают его проекту определенные преимущества. Как он сообщает в «Фальсификации и методологии научно-исследовательских программ» (Лакатос, 2008б, с. 342), его философия соединяет три традиции: (1) *эмпиристскую*, которая исходит из того, что наше познание зависит от опыта; (2) *кантовскую*, у которой можно научиться активистскому подходу к теории познания, и (3) *конвенционалистскую*, которая информирует о значении предварительных методологических решений. То есть, если верить словам Лакатоса, одна из трех составляющих его методологии определяется формой мышления, исходящей из философии Канта. На мой взгляд, имеется ряд факторов, которые делают методологию Лакатоса привлекательной для применения в области философии и для понимания программы трансцендентальной философии.

Во-первых, как я упоминал ранее, некоторые философы пробовали применять методологию Куна в сфере философии (см. также: Gakis, 2016), но ее возможности очень ограничены и ее недостаточно для микроанализа отдельных проектов. Научно-исследовательская программатика Лакатоса, в свою очередь, была использована в религиоведении, литературоведении и экономике (см.: Murphy, 1999; Black, 2003; Backhouse, 1998). Она дает возможность осознать логику развития, усовершенствования и распада научных программ и понять их внутреннюю структуру. Исходя из методологии Лакатоса можно попытаться сделать набросок и программатической метафилософии (см.: Lewin, 2021). Сам Лакатос не ограничивал свои исследования вопросами естественных наук. Если внимательно изучить его работы, то можно увидеть, что для него есть не только, к примеру, физические и математические, но и метафизические, марксистские,

his own words, had been awakened by Popper from the dogmatic slumber of Hegelianism in which he remained for twenty years, can be seen as a neo-positivist, his sophisticated falsificationism and his familiarity with various philosophical movements, lend his project certain advantages. As he reports in *Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes* (Lakatos, 1978a, p. 38), his philosophy combines three traditions: (1) *the empiricist*, which proceeds on the basis that our cognition depends on experience; (2) *the Kantian*, from which one can learn an activist approach to the theory of cognition and (3) *the conventionalist*, which stresses the significance of prior methodological decisions. In other words, to listen to Lakatos, one of the three components of his methodology uses the form of thought going back to the philosophy of Kant. I am of the opinion that there are a number of factors that make Lakatos's methodology attractive for use in philosophy and for understanding the programme of transcendental philosophy.

First, as I have mentioned, some philosophers tried to use Kuhn's methodology in the sphere of philosophy (see also Gakis, 2016), but its potential is very limited and it is not sufficient for micro-analysis of individual projects. Lakatos's methodology of scientific research programmes, in turn, has been used in religious and literary studies and in economics (*cf.* Murphy, 1999; Black, 2003; Backhouse, 1998). It gives insights into the logic of the development, improvement, and degradation of scientific programmes and into their inner structure. Proceeding from the methodology of Lakatos we can try to make a sketch of programmatic metaphilosophy (Lewin, 2021). Lakatos himself did not confine his research to questions of the natural sciences. An attentive perusal of his works will show that he was interested not only in physical and mathematical, but also in

психоаналитические, этические, эстетические, научно-теоретические и научно-исторические научно-исследовательские программы (см.: Лакатос, 2008б, с. 281–284, 347–349, 359–360; Лакатос, 2008а, с. 260–264; Lakatos, 1978, p. 151–153; Lakatos, 1968–1969, p. 177–181). Это связано с определенным критерием демаркации науки от псевдонауки, предложенным Лакатосом в качестве улучшенного варианта принципа фальсификации Поппера. Когда мы думаем о логике научных исследований, то часто представляем какие-то отдельные теории, которые выдвигаются учеными. На самом же деле все выдвинутые теории находятся в аргументационной цепочке, состоящей из целого набора теоретических элементов. То есть в науках мы в первую очередь имеем дело с рядами теорий. Ряд теорий конституирует то, что Лакатос называет «научно-исследовательской программой». Эта концепция дает новые возможности понять науку. Ведь теперь требуется описывать не одну теорию, а взаимосвязанные ряды теорий. Если одну теорию, как думает наивный фальсификционист, можно опровергнуть, эмпирически доказав, что она не верна, то это становится сложнее, когда мы имеем дело с целым рядом теорий. Ведь если опровергнуть какую-то одну теорию, другие связанные с ней теории все еще могут быть правильными, то есть программа может пережить частичные опровержения и все равно развиваться дальше. При этом, как правило, программы так или иначе развиваются в «океане аномалий» и несоответствий (Лакатос, 2008б, с. 361–364; Lakatos, 1978, p. 149–150).

Как замечает Лакатос, стоит различать программы, мотором которых является эмпирическая прогрессия, от тех, в которых важнее теоретический рост и развитие. Например, в метафизической программе (Лакатос сам дает такой пример, опираясь на Декарта), которая рассматривает мир в качестве механизма, работающего как часы, где каждая деталь имеет какое-то физическое значение и взаимоотношение с другими, теоретический процесс развития креативных теорий и описаний намного важнее,

metaphysical, Marxist, psycho-analytical, ethical, aesthetic, scientific-theoretical and scientific-historical research programmes (cf. Lakatos, 1978a, pp. 8-9, 41-42, 47-48; 1978b, pp. 131-134; 1978c, pp. 151-153; 1968, pp. 177-181). This has to do with a certain criterion of demarcation of science from pseudo-science, proposed by Lakatos as an improved variant of Popper's principle of falsification. When we think about the logic of scientific research we often have in mind individual theories put forward by scientists. In reality, all the proposed theories are parts of an argument chain consisting of a whole set of theoretical elements, i.e. in science we have above all sets of theories. A set of theories constitutes what Lakatos calls "a scientific research programme". This concept offers new opportunities of understanding science. Now one has to describe not one theory, but interconnected sets of theories. While one theory, as a naïve falsificationist thinks, can be refuted by empirically proving its fallacy, the same is more difficult to accomplish if we deal with a whole set of theories. For while refuting one theory, other theories connected with it may still be valid, i.e. the programme can survive partial refutations and continue to develop. As a rule, programmes develop, in one way or another, in "an ocean of anomalies" and discrepancies (cf. Lakatos, 1978a, pp. 48-50; 1978c, pp. 149-150).

Lakatos distinguishes programmes driven by empirical progressions from those in which theoretical growth and development are paramount. For example, in the metaphysical programme (Lakatos cites this example following Descartes) which sees the world as a clockwork mechanism in which every part has physical significance and correlates with other parts, the theoretical process of developing creative theories and descriptions is far more important than

чем эмпирические находки (см.: Lakatos, 1968—1969, p. 177—181)¹¹. Опровергнув какой-то эмпирический факт, описанный в этой программе, ее саму не опровергнуть. Она может распасться и потерять значимость, если будет плохо описывать факты и аномалии (в том числе теоретические несоответствия), которые не вписываются в ее картину мира. Но опровергнуть ее одним ударом, доказав, что какой-то пример не сходится с описанием, невозможно. В схему таких рядов теорий должна аналогично попасть и программа трансцендентальной философии. Она является научной в том смысле, что в ней есть теоретическая прогрессия, какие-то шаги и сдвиги фокуса (как я описал выше), ведущие к накоплению знаний. При этом, поскольку трансценденталии ищутся в сознании, а не в объектах, имеется и эмпирическая доля программы — теории о способностях и фактах сознания могут быть воспроизведены и интроспективно проверены (подробнее об этом см.: Lewin, 2021). Так же и для Канта трансцендентальная философия является наукой, особенно в перспективе теоретической прогрессии, поскольку она выполняет основные требования: рационально-систематическое развитие познаний производится по определенному методу в соответствии с раскрывающейся архитектурной идеей и общими целями разума¹².

Во-вторых, помимо открытости в контексте демаркации, то есть возможности придерживаться частично опровергнутой исследовательской программы, есть еще три фактора, которые делают методологию Лакатоса привлекательной для применения в области философии. Прежде всего методология научно-исследова-

empirical finds (Lakatos, 1968, pp. 177-181).¹¹ A programme cannot be refuted by refuting an empirical fact described in this programme. It can fall apart and become irrelevant if it poorly describes facts and anomalies (including theoretical discrepancies) which do not fit into its picture of the world. But it cannot be refuted in one stroke, by proving that an example does not match the description. Similarly, the programme of transcendental philosophy should be included in the scheme of such sets of theories. It is scientific in the sense that it has theoretical progression, steps and problem shifts (as I have described above) which lead to the accumulation of knowledge. Because *transcendentalia* are looked for in mind and not in objects, the programme has an empirical part, i.e. theories of the faculties and facts of mind that can be reproduced and introspectively verified.¹² Likewise for Kant, transcendental philosophy is a science, especially in terms of theoretical progression, insofar as it meets the main requirements: rational-systemic development of knowledge follows a certain method in accordance with the unfolding architectonic ideas and general goals of reason.¹³

Second, in addition to openness in the context of demarcation, i.e. the possibility of adhering to a partially refuted research programme, there are three further factors that make Lakatos's methodology attractive for use in philosophy. First of all, the scientific research programme methodology, unlike Kuhn's pro-

¹¹ Насколько Лакатос действительно считал свою программатику применимой к метафизическим теориям, трудно сказать. Поскольку фокус его исследований направлен на математику и естественные науки, после этого примера 1968 г. он молчит о метафизике. Тем не менее эта мысль имеется, и ее можно продолжить по аналогии с эстетическими, этическими и др. программами, которые он осмыслял и которые находятся за пределами естественных наук.

¹² Подробнее о понимании науки у Канта см.: (Sturm, 2009, S. 128—182).

¹¹ Whether Lakatos really considered his programatics to be applicable to metaphysical theories, it is hard to say. Because the focus of his research is on mathematics and natural sciences he is silent on metaphysics after this 1968 example. Nevertheless, the idea is there and it can be pursued by analogy with the aesthetic, ethical and other programmes which he studied and which are outside the natural sciences.

¹² For more on this see Lewin (2021).

¹³ For more on Kant's view of science see Sturm (2009, pp. 128-182).

тельских программ, в отличие от программатики Куна, может быть использована как на макро-, так и на микроуровнях исследования науки. Как у Канта есть архитектурная идея всей науки в целом, так и у Лакатоса наука в целом может быть представлена как одна огромная исследовательская программа (см.: Lakatos, 1978, p. 47). Как у Канта есть уровни в рамках представления целостной науки, которым соответствуют идеи отдельных наук, движения внутри наук и проекты внутри них, так и у Лакатоса цепь теорий, с развитием которой растет вся наука, состоит из отдельных более или менее больших рядов теорий. Это напоминает модель матрешки: в исследовательской программе «наука» находятся более и менее конкретные исследовательские программы вплоть до отдельных теоретических моделей. Согласно Лакатосу, можно, например, сказать, что кантовская теория разума как источник идей — это научно-исследовательская программа, находящаяся в программе трансцендентальной философии, которая, в свою очередь, содержится в программе метафизики в широком смысле, входящей в программу «философия», которая, в свою очередь, включена в программу «наука».

В-третьих, Лакатос так же четко определяет составные части исследовательских программ. В их основе лежит так называемое «жесткое ядро», состоящее из некоторых основных предположений, которые основатели или участники научного проекта хотят во что бы то ни стало укрепить и развить до полноценной теоретической системы. Закон гравитации вместе с тремя законами движения — пример такого жесткого ядра в ньютоновской программе. Такие ядра, как говорит Лакатос, не возникают из ниоткуда, а проходят долгий процесс проб и ошибок (Лакатос, 2008б, с. 361–362). Трансцендентальная философия, как было показано, тоже не появилась из ниоткуда, а произошла из онтологии. Старая онтология основывалась на теоретическом основании, что есть суперкатегории, или трансценденции, которые можно найти и выявить. Какой-то элемент этой

grammatics, can be used both at the macro- and micro-levels of the analysis of science. Just as Kant has an architectonic idea of science as a whole, so with Lakatos (1978a, p. 47) science as a whole can be represented as one huge research programme. Just as Kant has levels in the framework of science as a whole, matched by the ideas of separate sciences, parts of sciences and projects within them, so Lakatos's set of theories, whose development advances science as a whole, consists of varying-size sets of theories. It resembles the nested doll (*matryoshka*) model: inside the research programme called "science" there are more or less concrete research programmes down to individual theoretical models. According to Lakatos, we can say, for example, that Kant's theory of reason as a source of ideas is a research programme inside the programme of transcendental philosophy, which, in turn, is inside the programme of metaphysics in the broad sense, which is inside the programme "philosophy", which, in turn, is inside the programme "science".

Third, Lakatos also clearly defines the components of research programmes. The "hard core" consists of basic tenets which the founders or participants of the research project are determined to bolster and develop into a fully-fledged theoretical system. The gravitation law with the three laws of motion is an example of a hard core in Newton's programme. Such hard cores, according to Lakatos (1978a, p. 48), do not appear out of nowhere, but are arrived at through a long process of trial and error. Transcendental philosophy, as shown above, did not come out of nowhere, but is derived from ontology. The old ontology was based on a theoretical foundation, i.e. super-categories, *transcendentalia* which can be found and revealed. An element of such ontology has been preserved by Kant: he too is looking for what may be called *transcenden-*

онтологии остался и у Канта — он тоже ищет, можно сказать, трансценденталии, но в способностях нашего сознания. Эти трансценденталии у него, если мы остаемся на уровне первой «Критики», не что иное, как априорные элементы нашего познания — чистые формы созерцания (время и пространство), категории и принципы рассудка и идеи разума. Онтология, как он пишет в первой «Критике», может состоять только в анализе этих понятий (A 247 / B 303; Кант, 2006а, с. 401)¹³: при этом мы должны исходить не из предметов, или «бытия», а руководствоваться концептом «предмета вообще» (A 845–846 / B 873–874; Кант, 2006а, с. 1057–1059). Экспозиция идеи трансцендентальной философии, которую дает Кант, есть как раз такое жесткое ядро в понимании Лакатоса. Хотя оно находится в некотором движении в последующих работах Канта, радикально оно не от-

¹³ Можно ошибочно прочесть это место так, как это предполагается переводом: будто Кант предлагает заменить «гордое имя онтологии... скромным именем простой аналитики чистого рассудка». Нужно обратить внимание на то, что акцент в этом предложении делается не на возможных названиях, а на содержании онтологии. Русский перевод не отображает логическое значение неопределенного артикля «*ein-er*». «*Der stolze Name einer Ontologie, welche...*» можно было бы перевести как «гордое имя такой онтологии, которая...» (вместо анализа чистого рассудка притязает на создание системы из синтетических познаний *a priori*). То, что понималось под онтологией, может теперь быть только аналитикой чистого рассудка. Поэтому понятие «онтология» ставится в скобках за трансцендентальной философией в архитектурном определении частей метафизики (A 845 / B 873; Кант, 2006а, с. 1057; AA 29, S. 784–785), а то и вообще вместо нее (A 846 / B 874; Кант, 2006а, с. 1059). Фокус исследования переносится на то, как теперь понимать онтологию, а не на вопрос о названиях, хотя альтернативное понятие «трансцендентальная философия» не может сводиться только к теоретической части проекта Канта, как я показал во второй части статьи. Как выражается Елена Фикара, «онтология должна быть заменена трансцендентальной философией, но она одновременно и есть сама же трансцендентальная философия» (Ficara, 2006, S. 11). Положение же, что трансцендентальная философия «мыслится Кантом не в качестве онтологии» (Катречко, 2020, с. 5), не отображает этого и процесса развития онтологии. О понимании онтологии у Канта также см.: (Fulda, 1988). Об истории развития понятия «онтология» у Канта см.: (Rivero, 2014).

talia in the faculties of our mind. With him, if we remain at the level of the first *Critique*, these *transcendentalia* are *a priori* elements of our cognition, pure forms of intuition (time and space), categories and principles of understanding and reason. Ontology, as he writes in the first *Critique*, can consist only in the analysis of these concepts (*KrV*, A 247 / B 303; Kant, 1998, pp. 358-359)¹⁴: and we should proceed not from objects, or ‘being’ but from the concept of ‘an object in general’ (*KrV*, A 845-846 / B 873-874; Kant, 1998, pp. 698-699). Kant’s exposition of transcendental philosophy is precisely the *hard core* as understood by Lakatos. Although it undergoes some modifications in Kant’s subsequent works, it is never radically rejected. The hard cores Lakatos establishes subsequently are surrounded by a “protective belt” of theories. An example of a protective belt theory is Kant’s claim in *Prolegomena* that traditional metaphysics since the time of Aristotle had not moved even one step forward because no synthetic *a priori* judgement from cosmology or rational psychology had been proved (*Prol*, AA 04, p. 368; Kant, 2002, pp. 156-157). In other words, to refute Kant’s hard core it has first

¹⁴ It is important to understand the emphasis in the original German of this passage: what was meant by ontology earlier can now be only an analytic of pure understanding. The concept of “ontology” is put in brackets after or even instead of transcendental philosophy in the architectonic explication of parts of metaphysics (cf. *KrV*, A 845-846 / B 873-874; Kant, 1998, pp. 698-699, see also *V-Met/Mron*, AA 29, pp. 784-785; Kant, 1997, pp. 140-141). The focus of the study shifts to how to interpret ontology and not to the question of names, although the alternative concept of “transcendental philosophy” cannot be reduced to the theoretical part of Kant’s project, as I have shown in the second part of the article. According to Elena Ficara (2006, p. 11), “ontology should be replaced by transcendental philosophy, yet it is simultaneously itself transcendental philosophy.” The proposition that Kant “does not think of transcendental philosophy as ontology” (Katrachko, 2020, p. 5), fails to convey this and the process of the development of ontology. On Kant’s interpretation of ontology see also Fulda (1988). On Kant’s view of the development of the concept “ontology” see Rivero (2014).

вергается. Такие ядра, которые устанавливает Лакатос в дальнейшем, окружаются рядом теорий, защищающих их так называемым защитным поясом. Примером теории из защитного пояса может быть утверждение Канта в «Пролегоменах», что традиционная метафизика со времен Аристотеля ни на шаг не сдвинулась с места, так как еще ни одно синтетическое суждение априори, например из космологии или рациональной психологии, не было доказано (AA 04, S. 368; Кант 1994в, с. 134–136). То есть, чтобы опровергнуть жесткое ядро Канта, сначала нужно доказать, что синтетические суждения априори, например в космологии, возможны, и предъявить доказательства существования последней неделимой частицы.

Следующие элементы исследовательских программ Лакатоса — это (1) позитивная и (2) негативная эвристика. (1) В позитивной эвристике ученые разворачивают и специфицируют жесткое ядро. Это креативный автономный процесс планирования проекта, решения задач и обработки проблем, так сказать, в «офисе теоретика». В трансцендентальной философии позитивная эвристика находит выражение в разворачивании ее идеи в ходе «Критики чистого разума», то есть в анализе априорных элементов познания. В «Пролегоменах» можно найти конкретный план из семи пунктов, где Кант описывает, что должно или должно было произойти в первой «Критике» (AA 04, S. 365; Кант 1994в, с. 131–132). (2) В негативной эвристике ученые не столько руководствуются планом, сколько реагируют на постоянно возникающие проблемы и аномалии. Решение проблем и трудностей при этом нацелено на то, чтобы сделать свою программу еще стабильнее и успешнее. В метафизических программах аномалии встречаются скорее в форме доказательства критиками некогерентности или неправильности проекта. Пример такой критики извне — рецензия Гарве на первое издание «Критики чистого разума», где он неудачно описывает позицию Канта как позицию высокого идеализма (Кант читает: «трансцен-

to be proved that synthetic *a priori* judgements, for example, in cosmology, are possible and proof has to be presented of the existence of the ultimate indivisible particle.

The following elements of Lakatos's research programmes are (1) positive and (2) negative heuristics. (1) In positive heuristics scientists unfold and specify the hard core. This is a creative autonomous process of planning the project, solving the tasks, and processing the problems, "in the theorist's office," as it were. In transcendental philosophy positive heuristics takes the form of elaborating its idea in the course of the *Critique of Pure Reason*, i.e. the analysis of *a priori* elements of cognition. In the *Prolegomena* we find a concrete seven-point plan in which Kant describes what ought to have happened in the first *Critique* (*Prol*, AA 04, p. 365; Kant, 2002, p. 154). (2) In negative heuristics scientists do not so much follow a plan as react to the problems and anomalies that constantly crop up. The handling of problems and difficulties is geared to making the programme more stable and successful. In metaphysical programmes anomalies occur rather in the form of critics proving the incoherence or fallacy of the project. An example of such external criticism is Garve's review of the first edition of the *Critique of Pure Reason* in which he infelicitously describes Kant's position as high idealism (Kant reads "transcendent") (*Prol*, AA 04, p. 373),¹⁵ which includes both the spirit and matter and turns the whole world into representations. Kant wrote that, reading these lines, he knew at once what to expect from the review. Based on Garve's critique prompted by the misunderstood purport of the book, Kant specified some aspects and inserted the part "Refutation of Idealism" (*KrV*, B 274-279; Kant,

¹⁵ Garve writes in the review "transcendentellen", in translations authors use "transcendental" (Kant, 2002, p. 161).

дентного» (AA 04, S. 373))¹⁴, который охватывает и дух, и материю и превращает весь мир в представления. Кант написал, что, читая эти строки, сразу понял, что за рецензия его ожидает. Исходя из критики Гарве, основанной на неверном понимании замысла книги, Кант специфицировал некоторые моменты и вставил часть «Опровержение идеализма» (B 274–279; Кант, 2006а, с. 369–373) во второе издание «Критики чистого разума». Этот случай — явный пример негативной эвристики для защиты жесткого ядра от опровержения.

Наконец, в-четвертых, фактор, на который я хочу обратить внимание и который делает программику Лакатоса полезной, — его анализ роста и упадка научно-исследовательских программ. Программа развивается, когда ряд теорий, исходящий из жесткого ядра, успешно справляется с задачами, поставленными в позитивной и негативной эвристике, то есть когда исследования приводят к улучшенным теориям и описаниям фактов и теории эмпирически подтверждаются. Программа, следовательно, начинает распадаться, когда число нерешенных проблем и аномалий превышает ее исследовательский потенциал, то есть когда она все меньше и меньше дает объяснений и получает подтверждений. Это правильно и нормально, что ученые стремятся присоединиться к успешным программам, так как деградирующие программы не создают новых знаний, топчутся на одном месте или просто дают новые формулировки старого содержания и поэтому получают все меньше поддержки со стороны общества и финансовой помощи со стороны государства. Но Лакатос подчеркивает, что прогресс в науке основывается не на фактах вокруг нас, а на креативном воображении (Лакатос, 2008б, с. 458–459). С помощью креативных модификаций, новых идей и сдвигов проблематического фокуса (то есть путем корректировок курса развития программ) можно спасти даже самую забы-

¹⁴ Сам Гарве пишет в рецензии «transscendentellen», авторы перевода — «трансцендентального» (Кант 1994в, с. 141).

1998, pp. 326-329) in the second edition of the *Critique of Pure Reason*. This is an obvious instance of negative heuristics to defend a hard core against refutation.

Fourthly and finally, I would like to draw attention to another factor that makes Lakatos's programatics useful, namely, his analysis of the growth and degradation of scientific research programmes. A programme develops when a set of theories emanating from the hard core successfully copes with the tasks set by positive and negative heuristics, i.e. when research improves theories and descriptions of facts and theories are proved empirically. Accordingly, a programme begins to fall apart when the number of unsolved problems and anomalies exceeds the research potential, i.e. when it has fewer and fewer explanations and proofs. It is right and normal for scientists to seek to join successful programmes because degrading programmes do not generate new knowledge, are marking time or simply reformulating old content and therefore are getting less and less support from society and financial aid from the state. But Lakatos (1978a, p. 99) stresses that progress in science is based not on the facts around us but on creative imagination. Creative modifications, new ideas and problem shifts (i.e., through adjustment of the course of the programme) can rescue even the most neglected and deteriorating programme and make it progressive and capable of cooperating and competing with other projects.

This is exactly what Kant does to metaphysics. On the one hand, traditional metaphysics had not proved a single *a priori* synthetic judgement and, on the other hand, philosophers continue to waste their time on speculations, as Kant puts it, in a vacuum where pure reason helplessly flaps its wings (GMS, AA 04, p. 462; Kant, 1996b, p. 107), where arguments are useless because no one can win

тую или распадающуюся программу и сделать ее снова прогрессивной и способной к кооперации и конкуренции с другими проектами.

Именно так Кант поступает с метафизикой. С одной стороны, в традиционной метафизике не было доказано ни одно синтетическое суждение априори, а с другой — философы продолжают тратить время на спекуляции, как выражается Кант, в пустом пространстве, где чистый разум бессильно размахивает крыльями (АА 04, S. 462; Кант 1994в, с. 245), где споры бесполезны, так как никто не может победить. Поэтому он предлагает прогрессивный сдвиг проблемы в онтологии — трансценденталии следует искать в способностях нашего сознания, анализировать их и смотреть, на что мы действительно способны в нашем познании. Потом Кант поэтапно развивает и расширяет свой изначальный проект трансцендентальной философии, делая его способным описать большее количество принципов не только в теоретической, но и в практической философии и в эстетике. Программа трансцендентальной философии не закончилась в «*Opus postumum*» Канта. Рейнгольд, увидев, что она может распасться из-за разногласий в философии и в понимании Канта, предложил следующий сдвиг проблемы — нужно обосновать ее на одном принципе, с которым невозможно не согласиться (Reinhold, 2003, S. 185). Так можно провести эту линию и дальше, рассмотрев трансцендентальную философию в программатической перспективе и проблематизируя некоторые моменты — например, трудности установления критериев для определения прогресса в трансцендентальной философии.

В этих четырех пунктах, которые я выделил в философии Лакатоса, отображаются новые методологические взгляды на трансцендентальную философию. Во-первых, она представляется как ряд теорий. Во-вторых, она представляется как программа внутри вышестоящих более обширных программ. Этот пункт совпадает с архитектурикой Канта, который определяет место трансцендентальной философии в

them. Therefore, he proposes a progressive shift of the problem in ontology: *transcendentalia* should be sought in the faculties of our mind, in analysing them and looking at what we are really capable of accomplishing in our cognition. Then Kant progressively develops and expands his initial project of transcendental philosophy to enable it to describe a larger number of principles not only in theoretical, but also in practical philosophy and in aesthetics. The programme of transcendental philosophy did not end with Kant's *Opus postumum*. Reinhold (2003, p. 185), seeing that it might fall apart over differences in philosophy and interpretation of Kant, proposed the following shift of the problem: it should be grounded in a single principle which it is impossible to deny. The line can be drawn further by considering transcendental philosophy in a programmatic perspective and addressing some aspects, e.g. difficulties in establishing criteria of progress in transcendental philosophy.

The following four points which I have identified in the philosophy of Lakatos reflect new methodological views on transcendental philosophy. First, transcendental philosophy is represented as an array of theories. Second, it is represented as a programme within higher and larger programmes. This point coincides with Kant's architectonics which determines the place of transcendental philosophy in the structure of ideas and areas of knowledge. Third, Lakatos's methodology makes it possible to distinguish various stages in the building of transcendental philosophy as a research programme that cannot be found in Kant's methodology, although the theory of the "hard core" and its development is analogous to Kant's description of architectonic ideas and their unfolding. The fourth important point is Lakatos's reflections on progression and degeneration of programmes, which puts the Kantian project in a longer-term perspective.

структуре идей и отраслей знания. В-третьих, методология Лакатоса позволяет различать разные моменты построения трансцендентальной философии как исследовательской программы, которых не найти в методологии Канта, хотя теория жесткого ядра и его развития аналогична кантовскому описанию архитектурных идей и их развертывания. Четвертый важный пункт — это размышления Лакатоса о прогрессии и дегенерации программ, который позволяет посмотреть на кантовский проект в более долгосрочной перспективе.

Заключение

Обычно мы воспринимаем трансцендентальную философию Канта как завершенный проект или же даем ей какое-то описание, но не представляем ее во всех деталях. Как я показал, причиной этому служит то, что она является архитектурной идеей и понятием-в-процессе. Пытаясь определить эту идею, этот ноумен, или вещь саму по себе и перенести ее в царство феноменов, можно получить о ней лишь ограниченное представление. При этом стоит различать этапы ее развития до Канта, в философии Канта и после Канта. Так можно достичь более правильного понимания трансцендентальной философии, которая не представляет собой концептуальную мумию конца XVIII в. И если кто-то утверждает, что он или она трансцендентальный философ, нужно в ответ задавать вопрос: трансцендентальный философ в каком именно значении?

Программатическая метафилософия, как я ее представил в первой части статьи, показывает трансцендентальную философию, как и всю философию, именно в свете теоретического процесса. К ней можно отнести и методологию Канта, которая разбирает логику построения и развития философских проектов и анализирует процессы, стоящие за ними, и программатику Лакатоса. Хотя обе позиции относятся к разным парадигмам философствования, есть не-

Conclusion

We tend to perceive Kant's transcendental philosophy as a completed project or else describe it in a general way without a clear idea of all the details. As I have shown, the reason is that it is an architectonic idea and an evolving concept. In trying to define this idea, this noumenon, or the thing-in-itself, and transfer it to the realm of phenomena, we can get only a limited concept of it. And we should distinguish the stages of its development before Kant, in Kant's philosophy and after Kant. This would yield a more correct understanding of transcendental philosophy, which is not a conceptual mummy of the late eighteenth century. If somebody claims to be a transcendental philosopher we should ask the question, a transcendental philosopher in what sense?

Programmatic metaphilosophy, as I have set forth in the first part of the article, presents transcendental philosophy, like all philosophy, in the light of the theoretical process. It can include Kant's methodology which looks at the logic of building and developing philosophical projects and analyses the processes behind them, and the programmatic of Lakatos. Although the two positions belong to different paradigms of philosophising, they can be combined in some ways to overcome their limitations. Both methodologies make it possible to present philosophy and individual philosophical projects in motion and in the process of development. Kant, of course, takes the credit for the analysis of architectonic ideas which I have described in the second part of the article, i.e. the ideas of philosophical projects and insight into the workings of reason and all faculties of mind which implement them. Lakatos, as I have shown in the third part, takes the credit for the extensive technical apparatus which creates new conceptual opportunities. In particular, Lakatos offers an interesting interpretation

которые возможности их соотнесения, которое может освободить их от ограниченности. Обе методологии позволяют представить философию и отдельные философские проекты в движении и в процессе развития. За Кантом остается, безусловно, анализ архитектурных идей, охарактеризованный мною во второй части, то есть мысль о том, что всегда есть что-то неопределенное в идеях философских проектов, и понимание того, как работает разум и все сознание, развертывающее их. За Лакатосом же, как я показал в третьей части, остается богатый технический аппарат, который создает новые концептуальные возможности. В частности, Лакатос предлагает интересный вариант понимания прогрессивных сдвигов, которые Кант не описывает, и прогресса в философии в целом. Программа трансцендентальной философии может распасться в трех случаях. Она может дегенерировать, если к ней не применить методологической перспективы, например Канта или Лакатоса, и не увидеть в ней живой концепт, то есть концепт в его развитии. Также она распадется, если мы в негативной эвристике не будем отвечать на аргументы, выдвинутые против нее в постмодернизме, если мы будем просто репродуцировать старые знания и не будем креативно развивать трансцендентальную философию. Если мы хотим видеть прогресс в трансцендентальной философии, стоит исключить эти три случая и найти возможности для позитивной эвристики — например, при рассмотрении теории разума в узком смысле в актуальных контекстах.

Благодарности. В основу этой статьи положен доклад, прочитанный в Кантовском лектории 26 ноября 2020 г. Я благодарю участников лектория и Нину Анатольевну Дмитриеву за полезные комментарии. Данное исследование было поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

of progressive shifts which we do not find in Kant, and of progress in philosophy in general. The programme of transcendental philosophy may fall apart in three cases. It may degenerate unless it is seen in a methodological perspective, e.g. of Kant or Lakatos, and is treated as a living concept, a concept in its progress. It will fall apart if we, in negative heuristics, fail to answer the arguments put forward against it in post-modernism, if we simply regurgitate old knowledge and do not develop transcendental philosophy creatively. If we want to see progress in transcendental philosophy, we should exclude these three scenarios and find openings for positive heuristics, e.g. in studying the theory of reason in the narrow sense in contemporary contexts.

Acknowledgements. *This paper is based on my presentation at the Kant Lectures on 26 November 2020. I am grateful to the participants and to Nina A. Dmitrieva for useful comments. This research was supported by the Russian Academic Excellence Project at the Immanuel Kant Baltic Federal University.*

References

- Apel, K.-O., 2011. *Paradigmen der ersten Philosophie. Zur reflexiven – transzendentalpragmatischen – Rekonstruktion der Philosophiegeschichte*. Berlin: Suhrkamp.
- Backhouse, R. E., 1998. *Explorations in Economic Methodology. From Lakatos to Empirical Philosophy of Science*. London & New York: Routledge.
- Black, S., 2003. Imre Lakatos and Literary Tradition. *Philosophy and Literature*, 27(2), 363-381.
- Ficara, E., 2006. *Die Ontologie in der „Kritik der reinen Vernunft“*. Würzburg: Königshausen & Neumann.
- Fichte, J. G., 1982. *Second Introduction to the Science of Knowledge, for Readers who Already Have a Philosophical System*. In: J. G. Fichte, 1982. *Science of Knowledge with the First and Second Introductions*. Edited and translated by P. Heath and J. Lachs. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 29-88.

Список литературы

Васильев В. В. Метафилософия: история и перспективы // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 2. С. 6–18.

Кант И. Заявление по поводу наукоучения Фихте // Трактаты и письма. М. : Наука, 1980. С. 624–626.

Кант И. Логика. Пособие к лекциям // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 8. С. 266–398.

Кант И. О педагогике // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 8. С. 399–460.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994в. Т. 4. С. 5–152.

Кант И. Основоположения метафизики нравов // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994г. Т. 4. С. 153–246.

Кант И. Физическая монадология // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994д. Т. 1. С. 313–332.

Кант И. Критика практического разума // Собр. соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 277–733.

Кант И. Из рукописного наследия. М. : Прогресс-Традиция, 2000.

Кант И. Критика способности суждения // Собр. соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001. Т. 4. С. 69–833.

Кант И. Критика чистого разума (В) // Собр. соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006а. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Критика чистого разума (А) // Собр. соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006б. Т. 2, ч. 2.

Катречко С. Л. Кантовская «идея [проект] трансцендентальной философии» // Трансцендентальный журнал. 2020. Вып. 1. URL : <https://transcendental.ru/S123456780008967-4-1> (дата обращения: 29.11.2020).

Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Избр. произведения по философии и методологии науки. М. : Академический проект, 2008а. С. 199–278.

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Избр. произведения по философии и методологии науки. М. : Академический проект, 2008б. С. 279–475.

Левин М. Р. Универсум науки. Архитектонические идеи науки, отраслей и частей научного знания в философии Канта // Кантовский сборник. 2020. Т. 39, № 2. С. 26–45.

Förster, E., 2015. Transzendentalphilosophie. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin ed., 2015. *Kant-Lexikon*. Berlin; Boston: de Gruyter, pp. 2319-2325.

Fulda, H. F., 1988. Ontologie nach Kant und Hegel. In: D. Henrich ed., 1988. *Metaphysik nach Kant? Stuttgarter Hegel-Kongress 1987*. Stuttgart: Klett-Cotta, pp. 44-82.

Gakis, D., 2016. Philosophy as Paradigms: An Account of a Contextual Metaphilosophical Perspective. *Philosophical Papers*, 45(1-2), pp. 209-239,

Geldsetzer, L., 1989. Philosophie der Philosophie. In: J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel ed., 1998. *Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Bd. 7. Basel: Schwabe Verlag, pp. 904-911.

Habermas, J., 2016. *Der philosophische Diskurs der Moderne*, 12. Auflage, Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch.

Henrich, D., 1991. *Konstellationen. Probleme und Debatten am Ursprung der idealistischen Philosophie (1789–1795)*. Stuttgart: Klett-Cotta.

Hinske, N., 1998. Transzendental – 18. Jahrhundert. In: J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel ed., 1998. *Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Bd. 10. Basel: Schwabe Verlag, pp. 1376-1388.

Hinske, N., 1970. *Kants Weg zur Transzendentalphilosophie*. Stuttgart: W. Kohlhammer.

Kant, I., 1992a. *The Employment in Natural Philosophy of Metaphysics Combined with Geometry, of Which Sample I Contains the Physical Monadology*. In: I. Kant, 1992. *Theoretical philosophy, 1755-1770*. Translated and edited by D. Walford in collaboration with R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 47-66.

Kant, I., 1992b. *The Jäsche Logic*. In: I. Kant, 1992. *Lectures on Logic*. Translated by J. M. Young. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 521-640.

Kant, I., 1993. *Opus Postumum*. Edited by E. Förster, translated by E. Förster and M. Rosen. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1996a. *Critique of Practical Reason*. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 133-272.

Kant, I., 1996b. *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 37-109.

Kant, I., 1997. *Metaphysik Mrongovius*. In: I. Kant, 1997. *Lectures on Metaphysics*. Edited and translated by K. Ameriks and S. Naragon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 109-288.

Ойзерман Т. И. Метафилософия; Амбивалентность философии // Избр. тр. : в 5 т. М. : Наука, 2014. Т. 5.

Фухте И. Г. Второе введение в наукоучение, для читателей, уже имеющих философскую систему // Соч. : в 2 т. СПб. : Мифрил, 1993. Т. 1. С. 478–546.

Apel K.-O. Paradigmen der ersten Philosophie. Zur reflexiven – transzendentalpragmatischen – Rekonstruktion der Philosophiegeschichte. Berlin : Suhrkamp, 2011.

Backhouse R. E. Explorations in Economic Methodology. From Lakatos to Empirical Philosophy of Science. L. ; N.Y. : Routledge, 1998.

Black S. Imre Lakatos and Literary Tradition // Philosophy and Literature. 2003. Vol. 27, № 2. P. 363–381.

Ficara E. Die Ontologie in der „Kritik der reinen Vernunft“. Würzburg : Königshausen & Neumann, 2006.

Förster E. Transzendentalphilosophie // Kant-Lexikon / hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015. S. 2319–2325.

Fulda H. F. Ontologie nach Kant und Hegel // Metaphysik nach Kant? Stuttgarter Hegel-Kongress 1987 / hrsg. von D. Henrich. Stuttgart : Klett-Cotta, 1988. S. 44–82.

Gakis D. Philosophy as Paradigms: An Account of a Contextual Metaphilosophical Perspective // Philosophical Papers. 2016. Vol. 45, № 1–2. P. 209–239.

Geldsetzer L. Philosophie der Philosophie // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 7 / hrsg. von J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel. Basel : Schwabe Verlag, 1989. S. 904–911.

Habermas J. Der philosophische Diskurs der Moderne. 12. Aufl. Frankfurt a/M : Suhrkamp Taschenbuch, 2016.

Henrich D. Konstellationen. Probleme und Debatten am Ursprung der idealistischen Philosophie (1789–1795). Stuttgart : Klett-Cotta, 1991.

Hinske N. Kants Weg zur Transzendentalphilosophie. Stuttgart : W. Kohlhammer, 1970.

Hinske N. Transzendental – 18. Jahrhundert // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. 10 / hrsg. von J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel. Basel : Schwabe Verlag, 1998. S. 1358–1438.

Lakatos I. Criticism and the Methodology of Scientific Research Programmes // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. 1968–1969. Vol. 69. P. 149–186.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited and translated by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1999. *Declaration Concerning Fichte's Wissenschaftslehre*. In: I. Kant, 1999. *Correspondence*. Translated by A. Zweig. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 559-560.

Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgement*. Translated by P. Guyer and E. Matthews. Edited by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2002. *Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Come Forward as Science*. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Edited by H. Allison and P. Heath, translated by G. Hatfield. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 49-169.

Kant, I., 2007. *Lectures on Pedagogy*. In: *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R. B. Loudon, translated by R. B. Loudon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 434-485.

Katrechko, S. L., 2020. Kantian “Idea [Project] of Transcendental Philosophy”. *Transcendental Journal*, 1, [online] Available at: <<https://transcendental.ru/S123456780008967-4-1>> [Accessed 02 February 2021]. (In Rus.)

Lakatos, I., 1968. Criticism and the Methodology of Scientific Research Programmes. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 69, pp. 149-186.

Lakatos, I., 1978a. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. In: I. Lakatos, 1978. *The Methodology of Scientific Research Programmes. Philosophical Papers. Volume 1*. Edited by J. Warall and G. Currie. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 8-101.

Lakatos, I., 1978b. History of Science and its Rational Reconstructions. In: I. Lakatos, 1978. *The Methodology of Scientific Research Programmes. Philosophical Papers. Volume 1*. Edited by J. Warall and G. Currie. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 102-138.

Lakatos, I., 1978c. Popper on Demarcation and Induction. In: I. Lakatos, 1978. *The Methodology of Scientific Research Programmes. Philosophical Papers. Volume 1*. Edited by J. Warall and G. Currie. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 139-167.

Lazerowitz, M., 1970. A Note on “Metaphilosophy”. *Metaphilosophy*, 1, p. 91.

Lazerowitz, M., 1964. *Studies in Metaphilosophy*. New York: Humanities Press.

Lewin, M., 2020. The Universe of Science. The Architectonic Ideas of Science, Sciences, and Their Parts in Kant. *Kantian Journal*, 39(2), pp. 26-45.

Lakatos I. Popper on Demarcation and Induction // The Methodology of Scientific Research Programmes. Philosophical Papers / ed. by J. Warall, G. Currie. Cambridge : Cambridge University Press, 1978. Vol. 1. P. 139–167.

Lazerowitz M. Studies in Metaphilosophy. N. Y. : Humanities Press, 1964.

Lazerowitz M. A Note on “Metaphilosophy” // Metaphilosophy. 1970. Vol. 1. P. 91.

Lewin M. Das System der Ideen. Zur perspektivistisch-metaphilosophischen Begründung der Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte. Freiburg ; München : Alber, 2021.

Murphy N. Theology and Science within a Lakatosian Program // Zygon. 1999. Vol. 34, № 4. P. 629–642.

Nagel E. Sovereign Reason and Other Studies in the Philosophy of Science. Glencoe : The Free Press, 1954.

Overgaard S., Gilbert P., Burwood S. An Introduction to Metaphilosophy. Cambridge : Cambridge University Press, 2013.

Raatzsch R. Philosophiephilosophie. 2. Aufl. Wiesbaden : Springer VS, 2014.

Reinhold K. L. Beiträge zur leichtern Übersicht des Zustandes der Philosophie bey den Anfänge des 19. Jahrhunderts. Hamburg : Friedrich Perthes, 1803. Bd. 6.

Reinhold K. L. Beiträge zur Berichtigung bisheriger Missverständnisse der Philosophen / hrsg. von F. Fabbianelli. Hamburg : Meiner, 2003. Bd. 1.

Rescher N. Philosophical Dialectics. An Essay on Metaphilosophy. Albany : SUNY Press, 2006.

Rescher N. Metaphilosophy : Philosophy in Philosophical Perspective. Lanham : Lexington Books, 2014.

Rivero G. Zur Bedeutung des Begriffs Ontologie bei Kant. Eine entwicklungsgeschichtliche Untersuchung. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2014.

Schnädelbach H. Philosophie // Philosophie. Ein Grundkurs / hrsg. von E. Martens, H. Schnädelbach. Überarb. und erweiterte Neuauflage. Reinbek bei Hamburg : Rowohlt Taschenbuch, 1994. S. 37–76.

Sturm T. Kant und die Wissenschaften vom Menschen. Paderborn : mentis, 2009.

Theunissen B. Hegels Phänomenologie als metaphilosophische Theorie. Hegel und das Problem der Vielfalt der philosophischen Theorien. Eine Studie zur systemexternen Rechtfertigungsfunktion der Phänomenologie des Geistes. Hamburg : Meiner, 2014.

Williamson T. The Philosophy of Philosophy. Malden, MA ; Oxford ; Carlton, Victoria : Wiley-Blackwell, 2008.

Lewin, M., 2021. *Das System der Ideen. Zur perspektivistisch-metaphilosophischen Begründung der Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte*. Freiburg & München: Alber.

Murphy, N., 1999. Theology and Science within a Lakatosian Program. *Zygon*, 34(4), pp. 629-642.

Nagel, E., 1954. *Sovereign Reason and Other Studies in the Philosophy of Science*. Glencoe: The Free Press.

Oizerman, T. I., 2014. Metaphilosophy; The Ambivalence of Philosophy. In: T. I. Oizerman, 2014. *Izbrannyye trudi v 5 tomakh [Chosen Works in 5 Volumes]. Volume 5*. Moscow: Nauka.

Overgaard, S., Gilbert, P., Burwood, S., 2013. *An Introduction to Metaphilosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Raatzsch, R., 2014. *Philosophiephilosophie*. 2. Auflage. Wiesbaden: Springer.

Reinhold, K. L., 1803. *Beiträge zur leichtern Übersicht des Zustandes der Philosophie sbey den Anfänge des 19. Jahrhunderts*. Hamburg: Friedrich Perthes., Bd. 6.

Reinhold, K. L., 2003. *Beiträge zur Berichtigung bisheriger Missverständnisse der Philosophen. Band 1*. Herausgegeben von F. Fabbianelli. Hamburg: Meiner, 2003.

Rescher, N., 2014. *Metaphilosophy: Philosophy in Philosophical Perspective*. Lanham: Lexington Books.

Rescher, N., 2006. *Philosophical Dialectics. An Essay on Metaphilosophy*. Albany: SUNY Press.

Rivero, G., 2014. *Zur Bedeutung des Begriffs Ontologie bei Kant. Eine entwicklungsgeschichtliche Untersuchung*. Berlin & Boston: De Gruyter, 2014.

Schnädelbach, H., 1994. Philosophie. In: E. Martens, H. Schnädelbach, eds. 1994. *Philosophie. Ein Grundkurs*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch, pp. 37-76.

Sturm, T., 2009. *Kant und die Wissenschaften vom Menschen*. Paderborn: mentis.

Theunissen, B., 2014. *Hegels Phänomenologie als metaphilosophische Theorie. Hegel und das Problem der Vielfalt der philosophischen Theorien. Eine Studie zur systemexternen Rechtfertigungsfunktion der Phänomenologie des Geistes*. Hamburg: Meiner.

Vasilyev, V. V., 2019. Metaphilosophy: History and Perspectives. *Epistemology & Philosophy of Science*, 56(2), pp. 6-18. (In Rus.)

Williamson, T., 2008. *The Philosophy of Philosophy*. Malden, MA & Oxford & Carlton, Victoria: Wiley-Blackwell.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

Об авторе

Михаил Романович *Левин*, доктор философии, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; Горный университет Вупперталя, Вупперталь, Германия; Университет Кобленца-Ландау, Майнц, Германия.

E-mail: MLewin@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5097-5725>

Для цитирования:

Левин М. Р. Трансцендентальная философия как научно-исследовательская программа // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 3. С. 93–126.

doi: [10.5922/0207-6918-2021-3-4](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2021-3-4)

© Левин М. Р., 2021.

The author

Dr Michael *Lewin*, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia; University of Wuppertal, Wuppertal, Germany; University of Koblenz and Landau, Mainz, Germany.

E-mail: MLewin@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5097-5725>

To cite this article:

Lewin, M., 2021. Transcendental Philosophy as a Scientific Research Programme. *Kantian Journal*, 40(3), pp. 93-126.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-3-4>

© Lewin M., 2021.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))